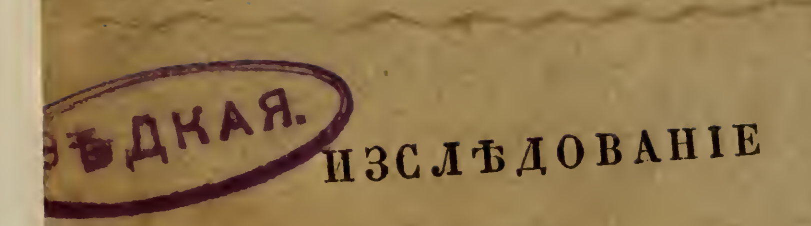

3 1761 07542702 1

ИЗСЛѢДОВАНІЕ НАЧАЛЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,

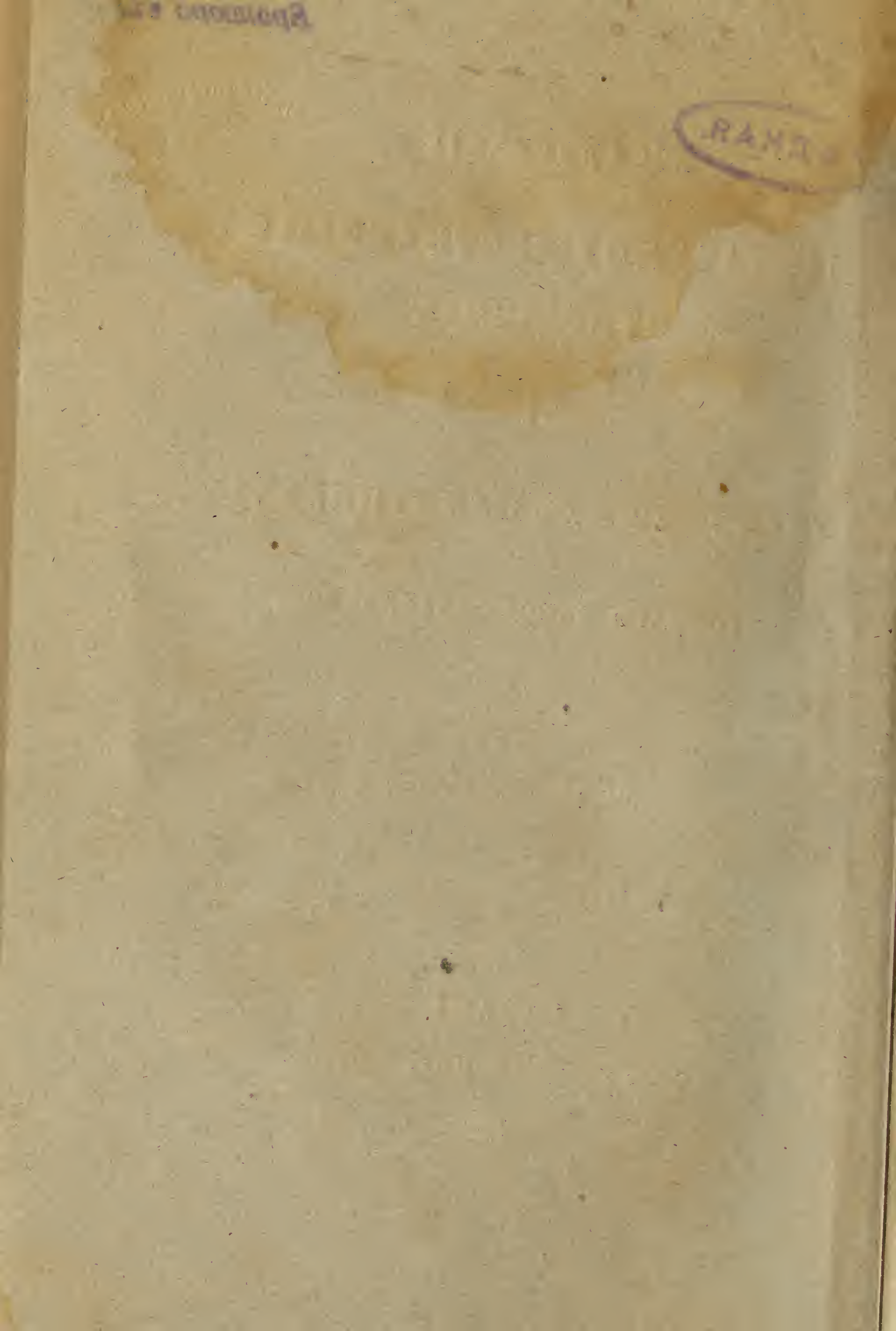
СОЧИНЕНІЕ

А. Станиславскаго.

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1855.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
НАЧАЛЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ
ВЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ
РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,

СОЧИНЕНІЕ

А. Станиславскаго.

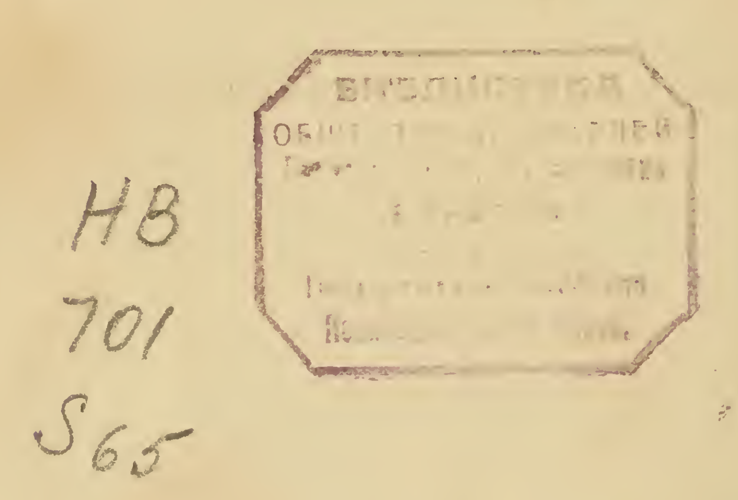
КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1855.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 г. Октября 9 дня.

Ценсоръ М. Похвисневъ.

Въ типографіи университета.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ НАЧАЛЪ

ОГРАЖДЕНІЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Немногочисленные дѣлатели на поприщѣ русской юридической литературы въ послѣднія пятнадцать лѣтъ обратились преимущественно, чтобы не сказать исключительно, къ изслѣдованію древняго юридическаго быта, въ историческомъ его развитіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, къ разработкѣ древнѣйшихъ памятниковъ законодательства и состоящихъ въ связи съ ними актовъ маститой старины. Явленіе это безошибочно можно назвать весьма утѣшительнымъ признакомъ, ручающимся за прекрасную будущность ученой разработки права въ Россіи; ибо неоспоримо, что законовѣдѣнію, котораго исходною точкою была исторія, будетъ всегда имѣть за собою одно важное преимущество — основательность. Но чему приписать, чѣмъ объяснить это явленіе?

Хотя бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, при личномъ обозрѣніи университетовъ, и въ особенности Московскаго [1]), не разъ высказывалъ мысль о необходимости исторической методы въ раскрытіи юридическихъ наукъ, нельзя однако утверждать, что господствующее въ настоящее время историческое направленіе въ изученіи русскаго законодательства

[1]) Рейца Опытъ исторіи росс. госуд. гражд. законовъ, перев. Морошкина, Москва 1836 г. См. посвященіе и предисловіе переводчика.

есть прямое послѣдствіе этой благой мысли. Едва-ли можно допустить и то, что всѣ, слѣдующіе этому направленію, объединены общимъ сознаніемъ необходимости дѣлать такъ, а не иначе. Допустить это—значило бы тоже самое, что признать существованіе исторической школы законовѣдѣнія; но, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не думалъ дать такое значеніе современной дѣятельности русскихъ законовѣдовъ.

Я готовъ скорѣе видѣть въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, таинственное сочетаніе воли и необходимости. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ предпринимавшихъ какой-либо трудъ для уясненія того или другого вопроса, въ историческомъ его развитіи, выбиралъ себѣ и самый предметъ, и способъ его разработки, по своему усмотрѣнію или желанію, потому-что онъ находилъ болѣе удовольствія въ изысканіи историческомъ, нежели въ какомъ-либо другомъ. Но въ тоже время надъ каждымъ тяготѣла, быть можетъ, необходимость искать удовольствія въ прошедшемъ, заниматься исторіею своего предмета. Это мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ и я вижу эту необходимость въ томъ дивномъ, почти безошибочномъ инстинктѣ, которому повинуясь безотчетно, люди славянскаго племени попадали не разъ и не въ одномъ обстоятельствѣ на самую вѣрную точку зрѣнія и дѣйствія. Кому догадка моя покажется странною, тотъ можетъ замѣнить ее другою, лучшею и болѣе убѣдительною; но думаю по крайней мѣрѣ, что никто не станетъ оспаривать дѣйствительность самаго явленія, по поводу котораго догадка эта высказана,—явленія, столь уже богатаго послѣдствіями [1]). Какъ бы то ни было, и я съ своей стороны, частію удовлетворяя собственному желанію, частію повинуясь, можетъ быть, инстинктивно необходимости, занимаюсь иногда изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства, преимущественно Русской Правды, въ особенности съ того времени, какъ г. Калачовъ представилъ ученому свѣту, въ капитальномъ трудѣ своемъ, систематическое и по возможности полное изданіе текста этого драгоцѣннѣйшаго памятника, основанное на сличеніи 50 раз-

---

[1]) Не мѣсто здѣсь указывать на сочиненія историческаго содержанія въ русской юридической литературѣ: всѣ они указаны, между прочимъ, въ позднѣйшемъ изъ нихъ, а именно въ разсужденіи г. Пахмана о судебныхъ доказательствахъ, по древнему русскому праву, Москва, 1851, не говоря уже объ исторіи росс. граж. законовъ Неволина Спб. 1851 г. 3 т.

личныхъ списковъ [1]). При чтеніи этого текста, равно какъ и договоровъ Олега и Игоря съ Греками, часто и невольно вниманіе мое останавливалось на тѣхъ довольно многочисленныхъ постановленіяхъ и отрывкахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ опредѣленіи и огражденіи имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ. Мнѣ казалось, что въ нихъ проглядываетъ особенная заботливость объ обезпеченіи благосостоянія, я видѣлъ, или по крайней мѣрѣ думалъ видѣть, въ ихъ развитіи извѣстную постепенность, въ ихъ совокупности единство и систему. Наконецъ мнѣ захотѣлось повѣрить свои предположенія и при этомъ я преимущественно обратилъ вниманіе на мѣры огражденія имущественныхъ отношеній, давъ имъ впрочемъ значеніе довольно обширное и поставивъ ихъ въ связи съ древнѣйшимъ судопроизводствомъ гражданскимъ, которое, какъ справедливо замѣчаетъ Пахманъ [2]), сдѣлалось особливымъ предметомъ историческихъ изслѣдованій, результатами которыхъ были уже замѣчательныя сочиненія Калачова, Куницына, Кавелина, Михайлова и другихъ [3]).

Безъ притязаній на какую либо заслугу въ разработкѣ историческихъ матеріаловъ древнѣйшаго русскаго законодательства, предлагаю здѣсь, въ безискуственной оболочкѣ, мое изслѣдованіе о мѣрахъ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ, ограничивающееся договорами Олега (912) и Игоря (945) съ Греками, и Русскою Правдою.

Оба договора, не смотря на то, что заключены были различными князьями, при различныхъ обстоятельствахъ и въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи времени, должны быть, по мнѣнію Эверса [4]), разсматриваемы какъ нѣчто цѣлое: именно первый изъ нихъ надобно считать какъ бы договоромъ главнымъ, второй—только дополненіемъ его. Въ это дополненіе внесены были и нѣкоторыя измѣненія началъ Олегова договора, выгодныя для Грековъ, которые, какъ извѣстно, пользовались при заключеніи договора съ Игоремъ правомъ побѣдителей. Въ обоихъ договорахъ, какъ я уже замѣтилъ, и въ особенности въ первомъ изъ нихъ, явно обнаруживается желаніе обезпечить личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ, подданныхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Изъ одинадцати статей Олегова договора, одна только, именно послѣдняя, въ которой рѣчь идетъ о выдачѣ преступни-

[1]) Калачова, предварительныя изслѣдованія о Русской Правдѣ, Москва, 1846,4°.

[2]) Пахмана разсужд. о суд. док. Москва 1851 г, введеніе.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ewers d. ält. R. d. R. S. 118 ff.

ковъ, совершившихъ преступленія въ своемъ отечествѣ и бѣжавшихъ въ предѣлы другого государства, имѣетъ въ виду выгоды обѣихъ договаривающихся державъ; остальныя всѣ направлены на обезпеченіе отношеній частныхъ. Съ самаго начала (ст. I) Руссы и Греки обѣщаютъ другъ другу миръ и вѣчную дружбу; за тѣмъ (ст II) опредѣляется общій порядокъ судебнаго разбирательства, въ случаѣ преступленія, нарушающаго эту дружбу, съ той или другой стороны; далѣе (ст. III) устанавливаются наказанія за смертоубійство, также (ст. IV) за раны и побои. Эти первыя четыре статьи имѣютъ въ виду обезпеченіе личныхъ отношеній Руссовъ и Грековъ, равно какъ и ст. VIII, въ которой говорится о выдачѣ плѣнныхъ и вообще невольниковъ. Остальныя за тѣмъ пять статей Олегова договора, именно V, VI, VII, IX и X, направлены исключительно на огражденіе имущественныхъ отношеній гражданъ договаривающихся сторонъ, и на нихъ преимущественно должны мы обратить вниманіе.

Вникая въ содержаніе этихъ статей, мы убѣждаемся, что участники договора имѣли въ виду всестороннее обезпеченіе права собственности и старались защитить ее не только отъ похищенія тайнаго или явнаго, но также отъ подлога и обмана, и даже отъ случайныхъ несчастій.

Прежде всего (ст. V) установляются мѣры огражденія права собственности отъ тайнаго ея похищенія, или наказанія за воровство [1]). Изъ сего заключить можно, что этотъ видъ нарушенія имущественныхъ отношеній чаще другихъ встрѣчался, а строгость по отношенію къ нарушителю заставляетъ думать, что воровство считалось тогда преступленіемъ, равнымъ почти убійству. Текстъ этой статьи приведенъ Эверсомъ [2]) изъ Нестора, сличеннаго Шлёцеромъ, въ слѣдующихъ словахъ:

«Аще украдетъ что Русинъ либо у хрестьянина, или паки хре-«стьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часъ тать, егда татьбу «сотворитъ, отъ погубившаго что либо; аще приготовится тать «творяй и убьенъ будетъ—да не взыщется смерть его ни отъ хре-«стьянъ, ни отъ Руси, но паче да возметъ свое, иже погубилъ.— «Аще дасть руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у него жъ

---

[1]) Сравн. Ewers, d. ält. R. d. R. S. 146—152. Rakowiecki Prawda Russka. Warszawa. T. II. 1822 г., стр. 5.

[2]) Эверса древнѣйшее право Руссовъ, переводъ Платонова, Спб. 1835, стр. 169. См. также E. S. Tobien: Die ältesten Tractate Russlands, I. 1844. Dorpat, стр. 30.

«будетъ украдено, и связанъ будетъ, отдастъ тое, еже смь сотво-
«рити (и сотворитъ тричій о семъ)» [1]).

Эверсъ переводитъ эту статью такъ: *ежели Русинъ украдетъ что либо у христіанина, или христіанинъ у Русина, и будетъ пойманъ въ то самое время,* (когда дѣлаетъ покражу), *тѣмъ, который лишился чего либо* (т. е. украденной вещи), *и ежели укравшій приготовится* (къ сопротивленію) *и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ, ни отъ Руси, но да возьметъ обратно свое тотъ, кто потерпѣлъ убытокъ. Но ежели тотъ, кто укралъ, отдастся въ руки, то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что сотворилъ.*

Отдавая должную справедливость остроумію знаменитаго изслѣдователя древнѣйшаго русскаго права, я долженъ однако сознаться, что переводъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкованіе, этой статьи Олегова договора мнѣ кажется не совсѣмъ удовлетворительнымъ. По мнѣнію Эверса выраженіе: *«аще приготовится тать творяй»*, надобно понимать такъ, какъ если бы здѣсь было написано: *аще приготовится къ сопротивленію татьбу сотворившій;* потому-что въ слѣдующемъ за тѣмъ положеніи говорится о ворѣ, который сдается безъ сопротивленія. Толкованіе это, выведенное чрезъ противоположеніе одного правила другому, кажется, нѣсколько натянуто. Хотя конечно составители договора явнымъ образомъ имѣли въ виду, при постановленіи второго правила, тотъ случай, когда воръ сдается на милость застигшаго его хозяина; но изъ словъ *«аще приго-«товится тать творяй»* нельзя безпорно заключить, что въ первомъ изъ этихъ правилъ рѣчь идетъ о ворѣ, представляющемъ сопротивленіе. Чтобы словамъ этимъ придать такой смыслъ, надобно, во первыхъ, подразумѣвать послѣ слова «*приготовится*» слова *къ сопротивленію*, во вторыхъ, надобно выраженіе «*тать творяй*» замѣнить словами *татьбу сотворившій*,—что едва-ли возможно. По моему убѣжденію, выраженіе: «*аще приготовится «тать творяй*», въ связи съ предшествующими словами, представляетъ довольно ясный смыслъ и указываетъ именно на тотъ случай, когда воръ приготовился уже къ совершенію преступленія, но не успѣлъ этого сдѣлать, бывъ застигнутъ хозяиномъ. Позволяю себѣ представить здѣсь переводъ цѣлой статьи, какъ я ее понимаю. *Ежели украдетъ что либо Русинъ у христіанина или христіанинъ у Русина, и воръ*

---

[1]) Послѣднія слова, заключенныя въ скобки, находятся, по свидѣтельствамъ Эверса и Тобина, въ одномъ только спискѣ.

пойманъ будетъ въ тотъ самый часъ, когда совершилъ [1]) *воровство, тѣмъ, кто лишился чего-либо* (т. е. хозяиномъ украденной вещи), *или же когда воръ приготовился совершить кражу, и будетъ убитъ, то ни христіане, ни Руссы не должны искать въ смерти его, но еще кромѣ того потерпѣвшій убытокъ долженъ получить имущество свое обратно. Если же укравшій дастъ руки свои* [2]), *то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что смѣлъ совершить* [3]).

И такъ, по моему мнѣнію, эта статья договора не только опредѣляетъ правила, какъ поступать должно съ воромъ, который не сдается на милость застигшаго его хозяина, и съ тѣмъ, который, повинится, но также въ ней есть намекъ на преступленіе уже совершенное (delictum consummatum) и покушеніе къ оному (delictum attentatum) [4]). Впрочемъ и то, и другое подвергаются одинаковому наказанію, если только убійство вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, можно назвать наказаніемъ. Мы не станемъ удивляться тому, что въ разсматриваемомъ нами постановленіи не дѣлается различія между воровствомъ, уже совершеннымъ, и покушеніемъ на оное, ежели вспомнимъ, что древнѣйшее право Руссовъ и права другихъ народовъ, на той же ступени развитія стоящихъ, не различаютъ даже убійства умышленнаго отъ случайнаго, подвергая и то, и другое кровной мести [5]). Замѣтимъ притомъ, что въ разбираемомъ нами постановленіи не обращено также вниманія на различную цѣнность вещей; по-этому надобно предполагать, что и тотъ, кто кралъ вещь высокой цѣны, и тотъ, кто похищалъ бездѣлицу, подвергались равной участи. Такова стро-

[1]) Эверсъ пишетъ: «*da er den Diebstahl verübt*» (когда онъ творитъ кражу), между тѣмъ въ подлинникѣ читаемъ: «*егда татьбу сотворитъ*»; здѣсь глаголъ вида опредѣленнаго указываетъ на дѣйствіе, уже совершенное.

[2]) Какъ бы для того, чтобы онѣ были связаны, т. е. когда воръ повинится. Эверсъ переводитъ такъ: «*Wenn aber der, welcher gestohlen hat, sich in die Hand giebt*».

[3]) Послѣднія выраженія напоминаютъ постановленія законовъ XII таблицъ о несостоятельномъ должникѣ: — сходство, конечно совершенно случайное, потому-что и Греки уже не могли руководствоваться этими законами.

[4]) Издатель позволяетъ себѣ однакожь замѣтить, что при такомъ объясненіи первой половины статьи опредѣленіе участи вора не будетъ сообразно съ назначеннымъ въ слѣдующей статьѣ легкимъ наказаніемъ за насильственное отнятіе вещи.

[5]) Сравн. Ewers, d. ält. R. d. R. S. 139.

гость древнѣйшаго закона,—строгость, доказывающая очень ясно, какъ сильно было желаніе людей того времени обезпечить жестокостію наказанія неприкосновенность частной собственности. Что касается до права, предоставляемаго хозяину вещи, убить вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, въ томъ случаѣ, когда онъ не сдавался на милость, то весьма справедливо замѣчаетъ Эверсъ [1]), что право это гораздо ближе подходитъ къ понятіямъ русскаго законодательства, нежели греческаго: подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ, что подобное же постановленіе встрѣчается и въ Русской Правдѣ, и въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею (о чемъ буду имѣть случай говорить ниже), съ тою только разницею, что, по смыслу Правды, не каждое воровство, а только кража нѣкоторыхъ предметовъ, могло подать поводъ къ примѣненію этого права.

Касательно правила о томъ, какому наказанію подвергался воръ, сдавшійся на милость, то здѣсь опять представляется сомнѣніе, какъ надобно понимать: «*отдастъ тое, еже смѣ сотворити*». Въ одномъ спискѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, спискѣ впрочемъ, по словамъ Эверса, исполненномъ позднѣйшихъ вставокъ, прибавлено къ этимъ словамъ выраженіе: «*и сотворитъ тріичій о «семъ*». Изъ этихъ послѣднихъ словъ надо бы было предполагать, что воръ, пойманный и связанный, какъ выражается законъ, обязанъ былъ хозяину вещи, которую онъ намѣревался украсть, заплатитъ тройную ея цѣну. Такое правило, если оно дѣйствительно и существовало, могло быть развѣ внесено въ договоръ изъ греко-римскаго права, но не было кореннымъ закономъ Руссовъ, какъ это весьма остроумно доказываетъ Эверсъ [2]). По мнѣнію этого ученаго выраженіе: «*отдастъ тое, еже смѣ сотворити*», безъ позднѣйшаго къ нему прибавленія, не значитъ, что воръ обязанъ былъ заплатить только цѣну украденной вещи, но что онъ, сдавшись на милость хозяина, который иначе могъ бы убить его, обезпечивалъ такимъ образомъ жизнь свою, но за то вполнѣ подчинялся требованіямъ поймавшаго его хозяина и долженъ былъ удовлетворить его за нанесенные ущербъ и обиду, по усмотрѣнію послѣдняго. Мнѣніе это тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что, если допустить это предположеніе, установляется нѣкоторая постепенность въ наказаніяхъ вора не сдающагося и вора сдавшагося, между тѣмъ какъ если думать, что сдавшійся воръ долженъ былъ только за-

[1]) Тамъ же, стр. 147 и 148.

[2]) Тамъ же, стр. 148. Сравн. также Рейца опытъ, переводъ Морошкина, стр. 61. прим. 1.

платить цѣну украденной вещи, то взысканіе это было бы слишкомъ слабо въ сравненіи съ наказаніемъ вора, не сдающагося на милость. Конечно можно замѣтить, что ежели не была установлена мѣра вознагражденія со стороны вора, то такимъ образомъ хозяину украденной вещи предоставленъ слишкомъ большой произволъ: но самая эта неопредѣленность есть, можетъ быть, именно вѣрнѣйшій признакъ древности этого постановленія. Мы знаемъ, что и гораздо позже сего въ подобномъ же положеніи по опредѣленіямъ русскаго законодательства находились иногда даже не воры, а несостоятельные должники.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей статьѣ Олегова договора, опредѣляющей мѣру наказанія за насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ. Вотъ текстъ этой статьи изъ Нестора, сличеннаго Шлецеромъ [1]).

«*Аще кто отъ хрестьянъ или отъ Руси мученья образомъ* «*искусъ творить и насильемъ явѣ возметъ что любо дружне, да* «*вспятить тройче*».

Текстъ этотъ представляетъ также нѣкоторыя затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ изслѣдователи древняго русскаго права несогласны между собою. Раковецкій переводитъ эту статью такъ: [2])

Ежели Русинъ или христіанинъ, подъ предлогомъ исканія пропавшей вещи, войдетъ въ чужой домъ, и насильственно и явно возьметъ чужую вещь, то долженъ будетъ заплатить за нее втрое.

Изъ перевода этого видно, что Раковецкій совершенно упустилъ изъ виду слова подлинника: «*мученья образомъ*», быть можетъ, потому, что они представлялись ему неудобопонятными, слово же «*искусъ*» принялъ онъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто-бы оно означало отыскиваніе чего-нибудь; наконецъ онъ совершенно произвольно вставилъ въ переводъ свой выраженіе: *подъ предлогомъ исканія пропавшей вещи, войдетъ въ чужой домъ*. И такъ переводъ, или скорѣе толкованіе, Раковецкаго вовсе неудовлетворителенъ, тѣмъ болѣе, что онъ не позаботился даже чѣмъ-нибудь оправдать свои догадки.

Эверсъ, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующій переводъ разсматриваемой статьи Олегова договора: «*Wenn ein Russe von einem* «*Christen, oder ein Christ von einem Russen mit Zwang* (мученіе) *den* «*Versuch macht, so muss er es dreifach ersetzen*» [3]).

---

[1]) Эверса древ. право Руссовъ, переводъ Платонова, стр. 170. Тобина Tractate, тамъ же.

[2]) Prawda Russka. т. II, стр. 5.

[3]) Das ält. R. d. R. S. 147.

Переводчикъ же Эверса слова подлинника передаетъ такъ: *«если кто изъ христіанъ или Руссовъ покусится на насиліе и «возьметъ что-нибудь у другого явно силою, да воздастъ за то «втрое»* [1]).

И такъ Эверсъ и переводчикъ его слово *искусъ* принимаютъ въ смыслѣ *покушенія*, предшествующее же ему слово *мученье* одинъ переводитъ словомъ *принужденіе* (Zwang), другой словомъ *насиліе*. Такой переводъ и толкованіе мнѣ кажутся неудовлетворительными, потому-что они явно измѣняютъ значеніе словъ подлинника и стараются придать имъ такой смыслъ, какой нуженъ былъ переводчикамъ, слѣдовательно смыслъ, отчасти по крайней мѣрѣ произвольный. Позволяю себѣ опять предложить здѣсь мое мнѣніе о значеніи разсматриваемой статьи. Что касается до словъ: *мученье* и *искусъ*, которыя представляютъ по-видимому самое большое затрудненіе для истолкованія смысла цѣлаго текста, то я оставляю имъ ихъ настоящее значеніе: именно подъ словомъ *мученье* я понимаю *муку* или *истязаніе*, слово же *искусъ* значитъ по моему мнѣнію *искушеніе, пытаніе, допрашиваніе*. Послѣ того, мнѣ кажется, разсматриваемый текстъ можно перевести такъ: *Ежели кто изъ христіанъ или изъ Руссовъ, посредствомъ мученья или истязанія* (*«мученья образомъ»*), *будетъ допрашивать* (т. е. пытать или искушать, подразумѣвается, хозяина дома) *и явно насильемъ возьметъ что-нибудь чужое, то долженъ будетъ сдѣлать тройное вознагражденіе».* И дѣйствительно, нельзя ли предположить, что при установленіи этого правила имѣли въ виду такой же случай, какой нерѣдко встрѣчается и въ настоящее время: что разбойникъ, забравшись въ домъ, разнаго рода истязаніями выпытываетъ у хозяина о мѣстѣ, гдѣ хранятся его деньги или другія цѣнныя вещи, и потомъ завладѣваетъ ими явно насильственнымъ образомъ?

Что касается до наказанія за насильственное завладѣніе чужою собственностію, наказанія, состоявшаго въ томъ, что грабитель долженъ былъ заплатить втрое нанесенный имъ убытокъ, то, хотя Эверсъ думаетъ, что оно могло вытекать и изъ началъ древнѣйшаго русскаго права, однакожь другая догадка его мнѣ кажется болѣе правдоподобною. Весьма вѣроятно, что правило, установлявшее это тройное вознагражденіе, заимствовано было по вліянію Грековъ, участвовавшихъ въ договорѣ, изъ римскаго права, именно изъ *actio vi bonorum raptorum* [2]). Хотя *actio vi bonorum raptorum* требуетъ четвертного вознагражденія (in quadruplum restitutio), од-

---

[1]) Эверса древн. пр. Р., стр. 170.

[2]) Тамъ же, стр. 152. прим. 21.

накожь это различіе въ мѣрахъ вознагражденія нельзя считать важнымъ аргументомъ для опроверженія догадки Эверса; потому-что Греки, вводя въ составъ договора правило, заимствованное изъ началъ римскаго права, могли притомъ сдѣлать нѣкоторую уступку Руссамъ, по неизвѣстнымъ для насъ теперь побужденіямъ.

Разсмотрѣвъ мѣры огражденія собственности отъ тайнаго похищенія и насильственнаго ея завладѣнія, обратимся теперь къ той статьѣ Олегова договора (ст. IX), въ которой, по моему убѣжденію, рѣчь идетъ о присвоеніи чужой собственности посредствомъ подлога.

Замѣчу съ самаго начала, что въ этой статьѣ говорится объ одномъ только предметѣ собственности, именно о челядинахъ или невольникахъ, но правила, здѣсь постановленныя, легко могли быть примѣняемы и къ другимъ вещамъ.

Текстъ этой статьи таковъ:

«*Аще украденъ будетъ челядинъ русскій или ускочитъ, или по* «*нужи проданъ будетъ, а жаловати начнуть Русь, покажется та*-«*ковое отъ челядина, и да поимутъ въ Русь. Но и гостіе погубише* «*челядинъ и жалуютъ, да ищутъ, обретше да поимутъ е. Аще ли* «*кто искушенія сего не дастъ сотворити, местникъ да погубитъ* «*правду свою*» [1]).

Смыслъ этой статьи, за исключеніемъ послѣдняго положенія, совершенно ясенъ. Хозяинъ украденнаго, бѣжавшаго или по принужденію проданнаго раба могъ жаловаться (вѣроятно мѣстному начальству) и искать его, отыскавъ же, взять обратно, въ особенности ежели самъ рабъ покажетъ, какимъ изъ означенныхъ противозаконныхъ способовъ онъ перешелъ во владѣніе другого лица. Правило это по всей вѣроятности почерпнуто изъ началъ русскаго права, потому-что и потомъ въ Русской Правдѣ и даже въ позднѣйшихъ постановленіяхъ владѣльцу раба предоставлено было право отыскивать его вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ и, отыскавъ, взять его себѣ. Замѣчательно, что здѣсь не опредѣлено никакого наказанія тому, кто противозаконно завладѣлъ чужимъ рабомъ; требуется только, чтобы рабъ былъ возвращенъ хозяину его. Это можно, кажется, объяснить тѣмъ, что хозяинъ, который позволялъ у себя украсть раба или допустилъ его бѣжать, или который согласился противу собственнаго желанія продать его другому, самъ какъ-будто оказывался виновнымъ въ оплошности и слабости, а потому, хотя и дозволялось ему отыскивать вездѣ своего раба, но

---

[1]) Тамъ же, стр. 178. Тобина Tractate, стр. 36.

онъ не имѣлъ права требовать для себя особеннаго еще какого нибудь вознагражденія.

Что касается до послѣдняго положенія разсматриваемой статьи: *«аще ли кто искушенья сего не дастъ сотворити, местникъ да по-«губитъ правду свою»*, то мнѣ кажется весьма труднымъ его истолковать. Раковецкій [1]), скользя, такъ сказать, надъ встрѣчающимися ему трудностями, такъ переводитъ эти слова: *ежели бы кто-либо сталъ противиться такому поиску, то признанъ будетъ виновнымъ.* Ясно, что слова: *«местникъ да погубитъ правду свою»* остались для Раковецкаго совершенно неразгаданными.

Эверсъ предлагаетъ слѣдующее ихъ толкованіе: *«Der Rächer «*(местникъ) *ist offenbar nach russischen Begriffen der nächste Verwandte, «der das erchlagene oder gemisshandelte Familien-Glied rächen musste. Nach «griechischen Begriffen konnte hierunter nur die Obrigkeit verstanden werden, «die bei den Griechen in die Stelle des Privat-Rächers getreten war, «wenn man nicht lieber auch hier nur denjenigen darunter verstehen will, «der für die einem anderen* (Griechen) *zugefügte Beleidigung Recht for-«dern konnte, sey es nun die Familie, oder der öffentliche Beamte. Der «Sinn ist in beiden Fällen: wer die Nachsuchung hindert, ist rechtlos. «Widerfährt ihm deshalb ein Uebel, so darf er nicht gerächt, d. h. es «darf dafür kein rechtlicher Ersatz gefordert werden. Also war hier noch, «im Fall der verwehrten Nachsuchung, Selbsthülfe jeder Art erlaubt».* (Das ält R. d. R. S. 154 und 155). Хотя это толкованіе можетъ еще оставлять за собою нѣкоторыя сомнѣнія, но не имѣя средствъ къ болѣе удовлетворительному изъясненію словъ: *«местникъ да по-«губитъ правду свою»*, мы должны покуда удовольствоваться тѣмъ, которое предлагаетъ намъ Эверсъ. [2])

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей Олегова договора, въ которыхъ, какъ я старался показать, изложены мѣры огражденія собственности отъ тайнаго и насильственнаго ея похищенія, а также отъ неправильнаго завладѣнія вообще, въ этомъ же памятникѣ находимъ и такія статьи, которыя, какъ я думаю, явно доказываютъ заботливость обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ, объ охраненіи ихъ имуществъ отъ гибельнаго вліянія несчастныхъ случаевъ. Въ договорѣ Олега предусмотрѣны преимущественно два изъ такихъ несчастныхъ случаевъ, именно кораблекрушеніе (ст. VII) и смерть владѣльца (ст. X). О первомъ изъ нихъ

---

[1]) Rakowiecki, Prawda Russka. т. II, стр. 6.

[2]) Ср. Тобина Tractate, стр. 36. Тамъ читаемъ: *«аще ли кто «искушенія того не дастъ сотворити местнику, да погубитъ «правду свою».*

говорится исключительно въ видахъ пользы Грековъ, о второмъ напротивъ для выгоды Руссовъ.

Смыслъ статьи о кораблекрушеніи есть слѣдующій: Руссы обѣщаютъ оказывать помощь греческимъ ладьямъ, когда онѣ заброшены будутъ бурею на чужой берегъ, гдѣ случится быть въ то время и Руссамъ. Помощь эта состоять должна или въ томъ, что ладью отводятъ въ ближайшій греческій портъ, или же ее провожаютъ въ русскую землю, ежели (какъ основательно догадывается Эверсъ [1]) грузъ ея предназначенъ былъ для Россіи. Здѣсь продается грузъ и вырученныя за него деньги отсылаются въ Грецію съ купцами или съ посольствомъ, отправляемымъ къ греческому царю.

Гораздо болѣе интереса для изслѣдователя началъ древнѣйшаго русскаго права представляетъ та статья Олегова договора, въ которой говорится объ имуществѣ Руссовъ, умирающихъ въ Греціи. Разсмотримъ сначала текстъ ея [2]).

«Аще кто умретъ не урядивъ своего имѣнья, ни своихъ не имать, «да возвратитъ имѣнье къ милымъ ближникамъ въ Русь. Ащель со«творитъ обряженіе, таковый да возметъ уряженное кому будетъ «писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдитъ е отъ взимающихъ «куплю Руси, отъ различныхъ ходящи въ Греки и удолжающихъ».

Судя по первому взгляду, надобно было бы думать, что здѣсь рѣчь идетъ о каждомъ вообще Руссѣ, умирающемъ во время пребыванія своего въ Греціи; но статья эта надписывается: «*о работающихъ во Грецехъ Руси у христьянскаго царя*», и потому Эверсъ заключаетъ, что въ ней установляются только правила объ имуществѣ тѣхъ изъ Руссовъ, которые умираютъ въ Греціи, состоя на службѣ (работѣ) у греческаго царя [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ весьма остроумную догадку на счетъ обезпеченія цѣлости имущества другихъ, не служащихъ греческому царю Руссовъ. Онъ думаетъ именно, что Руссы, отправлявшіеся въ Грецію по своимъ торговымъ дѣламъ, подобно купцамъ другихъ народовъ того времени, ѣздили туда большими партіями, которыя подчинялись одному лицу, изъ среды ихъ избранному (какъ бы старостѣ), и составляли такимъ образомъ, на время путешествія, родъ политической общины. Ежели кто изъ среды этой общины умиралъ во время путешествія, то компанія брала оставшееся послѣ умершаго имущество и обязывалась доставить его въ цѣлости въ

[1]) Das ält. R. d. R. S. 164. Anm. 26.

[2]) Несторъ, слич. Шлёц. ч. II, стр. 738 и сл., Эверсъ, стр. 187. Тобина Tractate, стр. 37.

[3]) Эверсъ, стр. 160 и 161.

отечество, для удовлетворенія кредиторовъ покойнаго или для передачи роднымъ его. Такая мѣра тѣмъ болѣе была необходима, для обезпеченія имущества умирающихъ въ чужой землѣ, что государи этихъ странъ тогда, и даже во время гораздо позднѣйшее, нерѣдко присвоивали себѣ право наслѣдовать имущество послѣ умершихъ въ ихъ владѣніяхъ иностранцевъ, какъ имущество выморочное. Весьма вѣроятно, что подобное притязаніе обнаруживали и греческіе цари, въ особенности на имущество тѣхъ изъ Руссовъ, которые находились у нихъ на службѣ, тѣмъ болѣе, что самое это имущество могло быть пріобрѣтено службою, а состоящіе на службѣ разсматривались какъ временные по крайней мѣрѣ подданные императора. Для огражденія соотчичей своихъ отъ такихъ притязаній, Руссы включили въ договоръ Олега приведенную статью о наслѣдствѣ. Надобно однакожь замѣтить, что и содержаніе, и редакція этой статьи скорѣе, можетъ быть, принадлежатъ Грекамъ, нежели Руссамъ. Къ такому заключенію ведетъ во-первыхъ то, что въ разсматриваемой статьѣ очень ясно различается наслѣдованіе безъ завѣщанія (какъ бы по закону) и наслѣдованіе по завѣщанію, при чемъ первое совершенно подчинено послѣднему, и законный наслѣдникъ (родной, ближникъ) тогда только могъ получить имущество, когда умершимъ не было сдѣлано никакого о немъ распоряженія. Конечно, и русскому праву могло быть не чуждо различіе между двумя видами наслѣдованія, оно даже могло, согласно съ понятіями о неограниченности отеческой власти, какая тогда была у Руссовъ, предпочитать завѣщаніе законному наслѣдованію; но понятія эти являются здѣсь слишкомъ ясно и отчетливо сформулированными и весьма живо напоминаютъ постановленія римскаго права объ этомъ же предметѣ. Далѣе изъ словъ: «*кому будетъ писалъ наслѣдити*» видно, что здѣсь говорится именно о письменныхъ завѣщаніяхъ, а не упоминается вовсе о другихъ ихъ видахъ. Но едва-ли Руссы того времени, даже и тѣ, которые находились на службѣ у греческаго императора, до такой степени обладали искуствомъ писанія, чтобы эта форма завѣщанія могла быть у нихъ самою употребительною. Явно, что Греки свои понятія о наслѣдствѣ вообще и о формѣ завѣщаній въ особенности приписали и Руссамъ [1]. Самая наконецъ редакція разсматриваемой статьи—редакція, совершенно правильная и систематическая, какой не встрѣчаемъ ни въ одной другой статьѣ Олегова договора, говоритъ, кажется, въ пользу моего предположенія.

Этою статьею оканчивается рядъ постановленій Олегова дого-

---

[1]) См. мое разсужденіе объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество, стр. 111.

вора, опредѣляющихъ мѣры огражденія имущественныхъ отношеній обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ. Посмотримъ теперь, что было постановлено о нихъ въ договорѣ Игоря (945).

Договоръ Игоря съ Греками, по замѣчанію Эверса, долженъ быть разсматриваемъ какъ дополненіе и поясненіе Олегова договора, но это дополненіе и поясненіе влечетъ за собою, отчасти по крайней мѣрѣ, измѣненіе прежде уже установленныхъ началъ. Не говоря о перемѣнахъ, введенныхъ Игоревымъ договоромъ по другимъ отраслямъ права, я намѣренъ обратить вниманіе на тѣ только, которыя соприкасаются непосредственно съ разсматриваемыми мною началами огражденія имущественныхъ отношеній.

Въ IV статьѣ этого договора находится постановленіе о воровствѣ и насильственномъ отнятіи вещей. Текстъ ея слѣдующій:

«*Аще кто покусится отъ Руси взяти что отъ люди царства «вашего* [1] *(или нашего), иже то сотворитъ, покаженъ будетъ вельми. «Аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубь. И аще сотворитъ «тоже Гречинъ Русину, да пріиметъ туже казнь, якоже пріялъ «есть и онъ. Аще ли прилучится украсти Русину отъ Грекъ что, «или Гречину отъ Руси, достойно да взворотье не точію едино, но «и цѣну его Аще обрящется украденное продаемо, да вдастъ цѣну «его сугубу. И то* (у Раковецкаго и той) *покаженъ будетъ по уста«ву Грецкому и по закону Грецкому, и по закону Русскому*». (Несторъ слич. Шлёц. Ч. III. стр. 139; Эверса стр. 195).

Сравнивая постановленія этой статьи Игорева договора съ постановленіями Олегова, мы замѣчаемъ, что въ ней съ самаго начала рѣчь идетъ о насильственномъ отнятіи чужой собственности и о покушеніи на такое противозаконное дѣйствіе. Покушеніе отлично здѣсь не по одному только имени отъ преступленія уже совершеннаго, но и самое наказаніе за то и другое полагается, какъ я думаю, различное. Именно, покусившійся на отнятіе вещи у другого долженъ быть «*покаженъ вельми*» (вѣроятно уже не по произволу частнаго лица, потерпѣвшаго обиду, а по опредѣленію

---

[1]) Въ большей части списковъ стоитъ: «*отъ люди царства ва«шего*», въ нѣкоторыхъ «*царства нашего*». Принимая первое чтеніе, надобно было бы думать, что здѣсь Руссы говорятъ отъ своего имени и предлагаютъ Грекамъ слѣдующія за тѣмъ мѣры огражденія отъ воровства; если же читать «*царства нашего*», то выходитъ, какъ будто Греки предлагаютъ условіе Русскимъ. (Сравн. впрочемъ Ewers, d. ält. R. d. R. 172. Anm. 31. Rakowiecki, Pr. R. т. II. стр. 13.)

правительства[1], не видно однако, въ чемъ должно состоять это наказаніе, о вознагражденіи же обиженнаго таковымъ дѣйствіемъ ничего не упоминается, быть можетъ, потому, что онъ при этомъ ничего не терялъ. Если же послѣдовало уже дѣйствительное отнятіе имущества, то виновный долженъ былъ сдѣлать вознагражденіе вдвое *«да заплатитъ сугубь»*[1]. Опредѣляемое здѣсь двойное вознагражденіе, слѣдовавшее конечно хозяину отнятой вещи, состояло вѣроятно въ возвращеніи самой вещи и приложеніи цѣны ея, или въ уплатѣ двойной цѣны, если вещь была уже продана, утрачена или испорчена. Такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, если принимать въ соображеніе то, что постановляется нѣсколько ниже о воровствѣ. Хотя при этомъ не упоминается объ особенномъ наказаніи преступника, но подразумѣвать должно, что совершившій насильственное завладѣніе чужою собственностью долженъ былъ подвергнуться тому же наказанію, какое опредѣлено было для покусившагося на это дѣйствіе.

Въ постановленіяхъ о воровствѣ замѣчаемъ недостатокъ опредѣленія о томъ, какъ должно поступать съ пойманнымъ на мѣстѣ воромъ. Эверсъ предполагаетъ[1], что въ Игоревомъ договорѣ потому умалчивается объ этомъ, что не хотѣли повторять высказаннаго уже въ договорѣ Олега. Нѣтъ сомнѣнія однако, что вора, пойманнаго на мѣстѣ, можно было и теперь убить, потому-что право это предоставлено было у Руссовъ хозяину даже въ XIII столѣтіи. Что касается до удовлетворенія хозяина украденной вещи, то оно опредѣляется, также какъ и при насильственномъ завладѣніи его, двойное; кромѣ того виновный подвергается наказанію *по закону греческому и русскому*. Послѣднія слова Эверсъ считаетъ темными и полагаетъ, что воръ могъ быть наказываемъ по одному изъ этихъ законовъ, смотря потому, какому народу принадлежалъ самъ преступникъ или, еще вѣроятнѣе, обиженный или истецъ[2]. Чтобы эта догадка была вполнѣ убѣдительна, надобно, чтобы въ текстѣ написано было: *по закону грецкому или по закону русскому*, между тѣмъ вмѣсто *или* мы здѣсь видимъ *и*, а потому нельзя ли предположить, что участвовавшіе въ договорѣ Греки и Руссы, для большаго обезпеченія своей собственности отъ тайнаго или насильственнаго завладѣнія ею согласились, чтобы виновный въ этихъ преступленіяхъ подвергался двойному наказанію, по закону обоихъ договаривающихся народовъ? Конечно, догадка

---

[1] Das alt. R. d. R. S. 166.

[2] Тамъ же, стр. 168.

эта не можетъ быть подкрѣплена никакими положительными данными, по крайней мѣрѣ мы въ правѣ сдѣлать ее, по прямому смыслу словъ текста, и, допустивъ такое предположеніе, для насъ становится нѣсколько понятнѣе другое совершенно неопредѣленное выраженіе этой статьи договора, именно что покусившійся на отнятіе чего-либо у другого *покажемъ будетъ вельми*. Быть можетъ, это *веліе* покаженіе состояло дѣйствительно въ двойномъ наказаніи преступника, по закону греческому и по закону русскому.

Какъ бы то ни было, разсматриваемая статья Игорева договора заключаетъ въ себѣ нѣсколько измѣненій статьи такого же содержанія въ договорѣ Олега,—измѣненій, свидѣтельствующихъ о развитіи юридическихъ идей въ сознаніи составителей перваго изъ нихъ. По смыслу договора Олега, виновный въ похищеніи чужой собственности тайнымъ или насильственнымъ образомъ, подвергался только взысканію для частнаго удовлетворенія хозяина похищенной вещи: въ договорѣ Игоря, независимо отъ частнаго удовлетворенія, преступленія эти подвергаются наказанію со стороны правительства и по опредѣленію закона, хотя вѣроятно не иначе, какъ только въ слѣдствіе иска лица обиженнаго. Далѣе Олеговъ договоръ установляетъ тройное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго убытокъ; по крайней мѣрѣ такъ было несомнѣнно при насильственномъ завладѣніи чужою собственностію: договоромъ Игоря требуется только сугубое удовлетвореніе, вѣроятно потому, что теперь преступникъ подвергался сверхъ того особому наказанію, отъ котораго прежде онъ былъ свободенъ, заплативъ втрое нанесенный убытокъ. Наконецъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ разсматриваемой статьѣ Игорева договора установляются различныя наказанія за покушеніе и за совершенное преступленіе, между тѣмъ какъ въ договорѣ Олега различія этого не усматриваемъ. Впрочемъ весьма возможно, что эти поступательныя измѣненія были слѣдствіемъ особеннаго вліянія Грековъ на составленіе договора, заключеннаго ими съ Игоремъ.

Къ предмету нашего изслѣдованія относится еще въ Игоревомъ договорѣ статья о побѣгѣ невольниковъ и ихъ выдачѣ (ст. III). Къ сожалѣнію текстъ ея подверженъ различнымъ толкованіямъ вслѣдствіе весьма сбивчиваго употребленія въ ней мѣстоименій *нашъ* и *вашъ*, такъ что нѣтъ другой возможности выйти изъ представляющихся по этому случаю затрудненій, какъ только если позволить себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣну одного мѣстоименія другимъ. Вотъ текстъ ея изъ Нестора, сличеннаго Шлёцеромъ [1].

---

[1]) Часть III. стр. 133: у Эв. въ р. пер., стр. 200 и 201.

«И аще ускочитъ челядинъ отъ Русь, по нежъ приидитъ въ «страну царства вашего и отъ святого Мамы, и аще будетъ об- «рящется да поимутъ. Аще ли не обрящется, да на роту идутъ на- «ша христiанная Русь, а не христiане по закону своему. Тогда воз- «имаютъ отъ насъ цѣну свою, якожъ уставлено есть прежде, двѣ «паволоцѣ за челядина. Аще ли кто отъ людей царства вашего, или «отъ иныхъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ «что, да возвратятъ опять; и еже что принеслъ все цѣло, да воз- «метъ отъ него золотника два».

Не стану приводить здѣсь различныхъ толкованiй и переводовъ этой статьи Шлёцеромъ, Раковецкимъ и Эверсомъ: это заняло бы слишкомъ много мѣста и не привело бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; скажу только, что, ежели догадка Эверса справедлива, будто въ договорѣ Игоря Греки являются предлагающими условiя отъ своего имени, то въ такомъ случаѣ можно себѣ позволить читать и переводить приведенный текстъ такимъ образомъ:

Ежели рабъ бѣжитъ отъ Руссовъ и отъ св. Мамы[1]*), за нимъ же прiйдутъ въ страну царства нашего*[2]*) и онъ будетъ найденъ, то да возьмутъ его*[3]*). Если же онъ не отыщется, то пусть наши*[4]*) христiанскiе Руссы дадутъ присягу, а нехристiане пусть клянутся по своему закону*[5]*), и пусть тогда взыщутъ съ насъ цѣну, какая установлена была прежде, по двѣ паволоки*[6]*) за раба. Ежели кто изъ людей царства нашего*[7]*) или города нашего*[8]*), или*

[1]) То есть отъ Руссовъ же, живущихъ въ предмѣстьи этого названiя въ Цареградѣ. См. Ewers. d. ä. R. d. R. S. 172. Anm. 33.

[2]) Въ текстѣ стоитъ *вашего*.

[3]) Разумѣется Руссы.

[4]) Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что Греки могли называть Руссовъ, принявшихъ христiанскую религiю *нашими*, потому что они были ихъ единовѣрцами. Тамъ же стр. 172, прим. 34.

[5]) Разумѣется въ томъ, что рабъ дѣйствительно бѣжалъ отъ нихъ къ Грекамъ.

[6]) *Паволока*, родъ шелковой, дорогой ткани, которая иногда употребляема была вмѣсто денежно платы. См. Rakowiecki, Pr. R. т. I. стр. 162.

[7]) Въ текстѣ опять написано *вашего*. Здѣсь въ особенности замѣчательно толкованiе Эверса. Тамъ же стр. 172, прим. 35.

[8]) Конечно Константинополя. Раковецкiй читаетъ *отъ рода нашего*. Pr. R. т. II. стр. 13.

другихъ городовъ, убѣжитъ рабъ нашъ къ вамъ и принесетъ съ собою что-либо [1]), *то онъ долженъ быть возвращенъ, и ежели притомъ снесенное имъ окажется все въ цѣлости, то да возьметъ отъ него два золотника* [2]).

Замѣчательно, что въ разсматриваемой статьѣ ничего не говорится ни о тайномъ похищеніи чужого раба, ни о вынужденной его продажѣ. Вѣроятно, замѣчаетъ Эверсъ [3]), кража раба и принужденіе къ продажѣ его отнесены были къ общему правилу о воровствѣ и насильственномъ похищеніи чужой собственности. Относительно бѣжавшаго раба въ Олеговомъ догорѣ постановлено было, что хозяинъ могъ его отыскивать и взять обратно, въ случаѣ же если онъ не находился, то, вѣроятно, хозяинъ пропавшаго раба не могъ претендовать на какое-нибудь вознагражденіе. Напротивъ въ договорѣ Игоря установляется мѣра вознагражденія за потеряннаго раба, если хозяинъ подтвердитъ присягою, что рабъ его дѣйствительно бѣжалъ къ Грекамъ. Съ своей стороны, Греки требовали отъ Руссовъ не только возвращенія бѣжавшаго раба, но еще и всего снесеннаго бѣглецомъ, съ платою въ такомъ случаѣ двухъ золотниковъ; вѣроятно впрочемъ, что этимъ же правиломъ могли также пользоваться и Руссы по отношенію къ Грекамъ [4]).

Наконецъ въ Игоревомъ договорѣ есть также постановленіе, имѣющее въ виду охраненіе имущества и лицъ, находящихся на кораблѣ или ладьѣ, выброшенной на берегъ (ст. VII).

«*Аще обрящутъ Русь кувару* (корабль или ладью) *Грецкую ввержену на коемъ либо мѣсте, да не приобидятъ ея. Аще ли отъ нея «взметъ кто что, или человѣка поработитъ или убьетъ, да будетъ «виненъ закону Руску и Грецку*» [5]).

За исключеніемъ послѣднихъ словъ: «*да будетъ виненъ закону Руску и Грецку*», которыя и здѣсь опять могутъ подать поводъ къ различнымъ толкованіямъ и къ которымъ надобно примѣнить то, что сказано уже выше въ статьѣ о насильственномъ и тайномъ похищеніи чужой собственности, смыслъ приведенной статьи совершенно ясенъ. Различіе ея отъ статьи подобнаго же содержанія въ Олеговомъ договорѣ состоитъ въ томъ, что, по смыслу перваго договора, Руссы даютъ только обѣщаніе оказывать пособіе гре-

---

[1]) Разумѣется, украденное имъ.

[2]) Конечно тотъ, кто доставитъ бѣжавшаго раба съ покражею.

[3]) Das ält. R. d. R. S. 171.

[4]) Эверсъ, тамъ же.

[5]) Несторъ, слич. Шлёц. ч. III, стр. 151; у Платонова, перев. др. Р. Пр., стр. 198.

ческимъ кораблямъ, не обязываясь притомъ никакою отвѣтственностью въ случаѣ, если бы что-нибудь изъ груза ихъ пропало; напротивъ, въ статьѣ договора Игоря не упоминается уже о помощи греческимъ ладьямъ со стороны Руссовъ, Греки требуютъ только, чтобы Руссы не дѣлали обиды выброшенной на берегъ ладьѣ, а въ случаѣ, если бы кто-нибудь, пользуясь бѣдственнымъ ея положеніемъ, взялъ что-либо изъ груза ея или убилъ человѣка, на ней находящагося, долженъ былъ подвергнуться наказанію, по закону русскому и греческому. Отсюда можно вывести заключеніе, что постановленная въ Олеговомъ договорѣ статья не была достаточнымъ обезпеченіемъ для кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе, и что, при заключеніи дополнительныхъ условій съ Игоремъ, Греки считали необходимымъ подкрѣпить ее, установляя, по взаимному соглашенію съ Руссами, наказаніе для хищниковъ и разбойниковъ. Замѣтимъ наконецъ, что, хотя и въ этой статьѣ говорится объ однихъ только греческихъ ладьяхъ, вѣроятно однако, что она имѣла взаимно обязательную силу для обоихъ договаривающихся народовъ; только Греки, можетъ быть, чаще нежели Руссы имѣли случай ссылаться на ея содержаніе и согласно съ нимъ требовать себѣ удовлетворенія.

Таковы были мѣры огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по смыслу договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Обращаемся теперь къ изслѣдованію этихъ мѣръ по началамъ обширнѣйшаго и важнѣйшаго памятника древняго русскаго законодательства, — по началамъ Русской Правды.

Мы имѣли случай замѣтить, занимаясь разсматриваніемъ содержанія договоровъ Олега и Игоря, во сколько это было необходимо для уясненія премета настоящаго изслѣдованія, что въ нихъ рѣчь идетъ исключительно объ огражденіи одного только вида имуществъ, именно движимыхъ. Причина этому весьма легко открывается. Въ условіяхъ, заключенныхъ двумя народами, для взаимнаго обезпеченія правъ частныхъ лицъ, къ каждому изъ этихъ народовъ принадлежащихъ, не могло быть даже говорено объ имуществахъ недвижимыхъ, которыя были, можно сказать, недоступны для предполагаемыхъ нарушителей права собственности и имущественныхъ отношеній вообще. И дѣйствительно, трудно представить себѣ, чтобы Руссъ, пребывая временно въ Греціи, или Грекъ въ Россіи, могъ имѣть случай или даже подумалъ завладѣть чужою недвижимою собственностію, напримѣръ землею или домомъ; и потому участвовавшіе въ договорахъ, считая недвижимое имущество внѣ всякой опасности, не позаботились объ установленіи какихъ-нибудь правилъ для его огражденія. За то съ о-

собеннымъ вниманіемъ, какъ мы это видѣли, старались они обезпечить имущество движимое, не только отъ злонамѣренныхъ дѣйствій лицъ постороннихъ, но даже отъ гибельнаго на него вліянія несчастныхъ случаевъ, потому-что дѣйствительно этотъ видъ имущества, по своей природѣ, гораздо болѣе представляетъ возможности къ неправильному имъ завладѣнію и даже къ истребленію его. Что касается до Русской Правды, то, хотя въ нѣкоторыхъ ея статьяхъ ясно указывается на разные предметы недвижимой собственности и даже на поземельное право [1]), замѣтимъ однако, что указанія были уже, по всей вѣроятности, плодомъ законодательной дѣятельности продолжателей Ярославова Суда; между тѣмъ Правда, въ первоначальномъ ея видѣ [2]), заключаетъ лишь только правила огражденія имущества движимаго. Впрочемъ и въ позднѣйшей ея редакціи весьма только немногочисленныя постановленія имѣютъ въ виду обезпеченіе нѣкоторыхъ предметовъ недвижимой собственности; напротивъ здѣсь также обращено преимущественно вниманіе на имущества движимыя, конечно по указанной побудительной причинѣ: потому-что они болѣе нуждались въ мѣрахъ огражденія. Однокожъ изъ тѣхъ немногихъ статей, которыя находимъ мы въ Русской Правдѣ касательно огражденія недвижимыхъ имуществъ, легко убѣдиться, что эти имущества, въ умѣ законодателей и въ народномъ сознаніи, имѣли бóльшую важность и цѣнность, нежели имущества движимыя, хотя нѣкоторые предметы изъ разряда послѣднихъ, по особенному на нихъ воззрѣнію людей того времени, были также очень высоко цѣнимы, подобно тому какъ и у другихъ Славянъ [3]).

Начнемъ съ постановленій, имѣющихъ въ виду обезпеченіе недвижимыхъ имуществъ.

Самымъ важнымъ предметомъ въ ряду этихъ имуществъ вездѣ и въ каждое время считалась земля, какъ прочнѣйшая опора существованія человѣка. Такъ конечно было и въ древней Россіи, которая въ то время болѣе еще нежели послѣ жила произведеніями своей земли, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, ловлею звѣрей и т. п. Принимая это въ соображеніе, надобно было бы думать, что въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго законодательства постановлены весьма точныя и строгія мѣры для огражденія поземельной собственности отъ всякаго рода противозаконныхъ дѣй-

---

[1]) Калачова, изслѣд. о Р. Пр. Москва, 1846. 4°, стр. 181.
[2]) Сравн. Ewers das ält. R. d. R. 264 — 270.
[3]) Maciejowski Historya Prawodawstw Słowianskich, Warszawa. 1832. т. 2. стр. 8 -- 11.

ствій. Однако, разсматривая внимательно содержаніе Правды, мы почти убѣждаемся въ противномъ. Важнѣйшій видъ противозаконныхъ дѣйствій, направленныхъ на земскую собственность, есть конечно насильственное завладѣніе ею, произведенное лицомъ постороннимъ, не имѣющимъ на нее права. Русская Правда, ни въ первоначальномъ своемъ видѣ, ни въ позднѣйшихъ ея дополненіяхъ, не представляетъ намъ постановленія, которое бы направлено было непосредственно на отраженіе этого противозаконнаго дѣйствія. Какое же мы можемъ вывести отсюда заключеніе, ежели не то, что въ сознаніи народномъ слишкомъ укоренено было понятіе неприкосновенности участка земли, составляющаго отдѣльную собственность извѣстнаго лица, семейства или даже рода, и что по этому насильственное имъ завладѣніе считалось дѣломъ невозможнымъ. Невозможность эта могла усиливаться конечно, въ древнѣйшее по крайней мѣрѣ время, въ такомъ случаѣ, если земля составляла предметъ общаго владѣнія цѣлаго рода и защищаема была, въ случаѣ надобности, не однимъ лицемъ, а болѣе или менѣе значительною совокупностію лицъ [1]). Ежели однако въ разсматриваемую нами эпоху дѣйствительно насильственное завладѣніе чужою землею никогда еще, какъ видно, не случалось, то, съ другой стороны, нѣкоторыя изъ статей Правды, дополненной уже сыновьями Ярослава и позднѣйшими законодателями, заставляютъ думать, что сознаваема была возможность такого завладѣнія въ послѣдствіи времени, а желаніе ее устранить вызвало постановленія, опредѣлявшія строгія мѣры взысканія за истребленіе или порчу межевыхъ знаковъ, отдѣлявшихъ одинъ участокъ земли отъ другого. Сюда относятся слѣдующія статьи Русской Правды, по изданію Калачова [2]).

Ст. CV.

а. *«А иже межу перворетъ, любо перетесъ, то за обиду 12 «гривнъ».*

Полнѣйшая редакція этой статьи, по большинству списковъ, есть слѣдующая:

б. *«Аже межу перетнетъ бортьную, или ролейную межу роз«оретъ, или дворную межу тыномъ перегородитъ, то 12 гривне «продаже».*

---

[1]) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 260 — 264. Рейцъ, переводъ Морошкина, стр. 4 и 10, примѣчаніе 9.

[2]) Изсл. о Рус. Пр., отд. III. Систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста Рус. Правды (на основаніи 50 списковъ).

Ст. CIV.

«Аще кто разнаменаетъ бърть, то 12 гривнь продажи, а за «дерево полгривны».

Ст. CVI.

«Оже кто дубъ перетнеть знаменный или межный, то 12 «гривнь продаже».

Изъ этихъ статей открывается, что употребительнѣйшими межевыми гранями были для пахатныхъ и, вѣроятно, всѣхъ безлѣсныхъ полей, земляныя насыпи или другіе земляные знаки; для лѣсовъ вообще и въ особенности бортныхъ угодій—деревья, на корню стоящія, преимущественно дубъ и сосна, какъ самыя прочныя; наконецъ усадьбы или *дворы* разграничивались изгородами, плетнями или тынами [1]. Далѣе видимъ, что порча межевыхъ знаковъ (разнаменаніе борти), равно какъ и совершенное ихъ истребленіе, подвергала виновнаго одинаковому взысканію, именно уплатѣ 12 гривенъ пени. Кромѣ того, надобно, быть можетъ, было заплатить хозяину цѣну испорченнаго или срубленнаго дерева. На это указываетъ въ статьѣ о разнаменаніи борти выраженіе: «*а за дерево полгривны*»; замѣтимъ однако, что слова эти находятся въ одномъ только спискѣ Правды, именно Бальзеровомъ, принадлежащемъ Археографической Коммиссіи. Сравнивая постановленное въ этихъ статьяхъ взысканіе съ пенями по другимъ видамъ преступленій, видимъ, что оно нерѣдко равняется и даже превышаетъ наказанія, установленныя за убійство нѣкоторыхъ лицъ [2], также за увѣчье [3], самовольное истязаніе [4], нанесеніе ранъ и побоевъ. [5]. Отсюда со всею вѣроятностію заключить можно, что порча и истребленіе межевыхъ знаковъ считались на-ряду съ важнѣйшими и опаснѣйшими противозаконными дѣйствіями и что законодательная власть имѣла въ виду предохранить отъ нихъ общество, установляя за нихъ высокія пени. Подтвержденіемъ моему предположенію можетъ служить то, что, по смыслу одной статьи, имѣющей впрочемъ различныя чтенія, искъ о разломанной борти и посѣченной межѣ производится даже и тогда, когда виновный положительно неизвѣстенъ: округа

---

[1]) Тынъ и въ настоящее время на малороссійскомъ нарѣчіи значитъ *плетень* или *заборъ*.

[2]) Ср. ст, LXXX — LXXXIV. Изд. Калачова.

[3]) Ср. ст. XCIII, CXXXIV и CXXXV, тамъ же.

[4]) Ср. ст. XCV и XCVI, тамъ же.

[5]) Ср. ст. XCVII — XCIX, тамъ же.

(вервь), въ которой случилось это преступленіе, обязана была отыскать виновнаго (татя) или заплатить 12 гривенъ продажи [1]).

Хотя изъ приведенныхъ нѣсколько выше статей нельзя заключить совершенно положительно, что въ нихъ рѣчь идетъ о злоумышленной порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ, напротивъ, скорѣе можно было бы думать, что здѣсь обращено было вниманіе не на умыселъ, а на самый фактъ; однакожь съ большою вѣроятностію предположить можно, что дѣйствительно только злоумышленное истребленіе и порча межей подвергались опредѣленному взысканію, упущеніе же указанія на этотъ предметъ въ самомъ законѣ надобно конечно отнести на счетъ весьма понятной и извинительной неопытности въ дѣлѣ редакціи законовъ. Что первоначальная редакція законовъ всегда бываетъ весьма несовершенна и представляетъ потомъ обширное поприще для различнаго ихъ толкованія, доказательствъ тому и примѣровъ можно было бы привести очень много, но ближе всего возьмемъ двѣ различныя редакціи одной изъ приведенныхъ статей, именно CV. Въ первой изъ нихъ, кратчайшей, говорится о перепаханіи или изрубленіи межи вообще; во второй, обширнѣйшей, ясно уже различается межа *ролейная* отъ *бортной* и *дворной*. Очевидно, что такая опредѣленность могла быть только произведеніемъ опыта, доказавшаго недостаточность первоначальной редакціи этой статьи.

Въ заключеніе скажу, что Раковецкій [2]) находитъ весьма вѣроятнымъ, что постановленія Русской Правды о межахъ имѣли вліяніе на образованіе понятій о томъ же предметѣ въ Литвѣ, доказательствомъ чему могутъ служить нѣкоторыя статьи Литовскаго Статута, даже позднѣйшей его редакціи, 1588 года, на польскомъ языкѣ [3]). Еще болѣе сходства замѣчаетъ тотъ же ученый между постановленіями нашего памятника о межевыхъ знакахъ и такимъ же постановленіемъ въ законахъ чешскаго короля Владислава: Ktoz bykoli wiek komu mežniky wymetal, a nebo podsekał, neb ge ginam přesadil, bez wule a wedomite skymž ty mežniky spotu ma, tehdy ten tomu (neb tiem) propadmi dwadceti hrywen [4]). Изъ сего послѣдняго сближенія можно вывести предположеніе, довольно впрочемъ натуральное, что понятія различныхъ славянскихъ народовъ о неприкосновенности межевыхъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по-

---

[1]) Ср. въ изд. Калачева, ст. CXXIX «*о бобрѣ и о разломанной борти*» (по 33 и 34 сп.).

[2]) Rakowiecki, Pr. R. т. II, стр. 91, прим. (6).

[3]) Именно Rozdział IX, art. 18, §§ 1 и 2; у Раковецкаго тамъ же.

[4]) У Раковецк. т. II, стр. 91, прим.

земельной собственности вообще, могли быть весьма сходны между собою.

Поищемъ теперь въ изучаемомъ нами памятникѣ установленій, направленныхъ противу неправильнаго пользованія чужою землею или ея произведеніями.

Такъ-какъ вѣроятно весьма трудно и едва-ли возможно было въ древнѣйшее время пользованіе противозаконное, хотя бы даже и самое непродолжительное, чужою землею, со всѣми ея принадлежностями, то по-этому въ Правдѣ не находимъ ни одного правила, которое бы имѣло въ виду опредѣленіе наказаній или пени за такое противозаконное дѣйствіе. Напротивъ весьма нерѣдко могло случаться, что тотъ или другой, не имѣя въ своемъ участкѣ земли тѣхъ угодій или произведеній, которыя ему были необходимы, рѣшался воспользоваться ими воровски на чужой землѣ. И дѣйствительно, на этотъ видъ противозаконныхъ дѣйствій указываютъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ приведенная уже статья Правды *о бобрѣ и разломанной борти*, которая въ большой части списковъ, принятыхъ Калачовымъ въ основаніе его изданія, представляетъ слѣдующее чтеніе.

Ст. CXXIX.

«*Аже будетъ разсѣчена земля или на земли знаменіе есть имъ* «*же ловлено, или сѣть то по вѣрви искати въ собѣ татя, а любо* «*платити продажю*» (12 гривенъ?).

Во-вторыхъ статья XLV, имѣющая три различныя чтенія, изъ коихъ я приведу здѣсь одно только полнѣйшее, соединяющее въ себѣ всѣ признаки другихъ.

Ст. XLV.

«*А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину, колико будеть* «*возъ украдено, то имати ему по 2 ногатѣ за возъ*».

Въ первой изъ этихъ статей рѣчь, кажется, идетъ объ охотѣ или ловлѣ въ чужихъ дачахъ, быть можетъ, именно о ловлѣ бобровъ, какъ это можно предположить изъ словъ варіанта этой же статьи, надписываемаго «*о бобрѣ и о разломанной борти*» [1]). Смыслъ постановленія, въ этой статьѣ находящагося, есть, по моему убѣжденію, слѣдующій: ежели земля будетъ изрыта, или же на ней найдены будутъ другіе признаки ловли [2]) или самая сѣть, то, хотя бы виновный въ этомъ не былъ извѣстенъ, вервь или округа должна

[1]) Срав. изд. Калачова на стр. 95, также чтеніе этой статьи у Раковецкаго, Prawda Russka, т. II. стр. 88, ст. 45.

[2]) Быть можетъ, именно вырытіе ямъ было однимъ изъ способовъ, употребляемыхъ для ловли дикихъ звѣрей, какъ и теперь.

принять на себя трудъ отыскать татя, въ противномъ же случаѣ она обязана заплатить опредѣленную пеню (12 гривенъ).

Отсюда представляется возможность вывести нѣкоторыя общія заключенія. Такъ-какъ пеня, опредѣляемая за производство ловли въ чужихъ земляхъ, равна той, которую, какъ мы уже видѣли, установляетъ Правда за порчу и истребленіе межевыхъ знаковъ, такъ-такъ она вообще есть одна изъ высшихъ пеней, нашимъ памятникомъ опредѣляемыхъ, то это можетъ служить доказательствомъ, что этотъ видъ неправильнаго пользованія произведеніями чужой земли почитаемъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ противозаконныхъ дѣйствій, какія могли быть направлены противу чужой собственности вообще. Далѣе, изъ словъ: «*то по вьрви искати въ собѣ татя*», надобно заключить, что ловля въ чужихъ дачахъ считалась *татьбою* или воровствомъ. Впрочемъ, въ понятіяхъ людей разсматриваемаго времени не могли еще развиться тѣ тонкія различія, какія обыкновенно устанавливаются законодательствами позднѣйшаго, болѣе образованнаго времени, между разными видами неправильнаго пользованія и завладѣнія чужою собственностію. Напротивъ, каждое неправильное дѣйствіе по отношенію къ чужому имуществу считается теперь безразлично злодѣяніемъ, воровствомъ, а виновный въ томъ—*татемъ* или *воромъ* [1]). Подтвержденіе этому находимъ въ множествѣ статей Правды, между прочимъ и во второй изъ приведенныхъ мною статей, именно въ ст. «*о сѣнѣ и о дровѣхъ*». Въ ней рѣчь идетъ также о неправильномъ пользованіи угодьями чужой земли, именно сѣномъ въ чужихъ лугахъ, дровами въ чужомъ лѣсу; но и то, и другое считалось также, какъ видно изъ словъ: «*колико будеть возъ украдено*», воровствомъ. Нельзя однако не замѣтить, что неправильное пользованіе упомянутыми произведеніями чужой земли считалось, какъ видно, гораздо меньшимъ преступленіемъ, нежели охота въ чужихъ угодьяхъ, а потому и постановленная на этотъ случай пеня гораздо ниже: виновный въ пользованіи чужимъ лѣсомъ или сѣнокосомъ обязанъ заплатить только 9 кунъ пени и кромѣ того за каждый возъ дровъ и сѣна по 2 ногаты [2]). Это различіе въ пеняхъ не должно удивлять, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе, что охота въ чужихъ дачахъ могла дѣйствительно лишать хозяина земли значительныхъ выгодъ, которыхъ онъ могъ ожидать отъ ловли раз-

---

[1]) Ср. Ewers d. ält. R. d. R. S. 278 и 297.

[2]) О цѣнности и взаимномъ отношеніи гривны, куны, вѣкши, ногаты, рѣзани и другихъ древнихъ денегъ сравн. Rakowiecki Prawda Russka, т. I, стр. 166 — 198.

ныхъ пушныхъ звѣрей и въ особенности бобровъ [1]), между тѣмъ какъ сѣна и дровъ, при обширности луговъ въ тогдашнее время, было болѣе нежели вдоволь, а потому владѣлецъ не терпѣлъ большого убытка, ежели кто изъ его сосѣдей покосилъ въ лугахъ его возъ травы или вывезъ изъ лѣса возъ дровъ. Вѣроятно, что и искъ о покражѣ сѣна и дровъ не принадлежалъ къ разряду такихъ, въ которыхъ при неизвѣстности виновнаго округа обязана была отыскивать его или платить пеню; по крайней мѣрѣ изъ словъ сюда относящейся статьи нельзя вывести другого заключенія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей, я не нахожу въ Русской Правдѣ другихъ, которыя бы указывали еще на мѣры огражденія поземельной собственности отъ неправильнаго ею завладѣнія или пользованія. Что же касается до другихъ предметовъ недвижимаго имущества, то о двухъ только изъ нихъ, конечно важнѣйшихъ и какъ-бы обнимающихъ собою всѣ другіе, находится точное постановленіе въ слѣдующей статьѣ:

Ст. LXXIII.

«*Аже кто зажьжетъ гумно, то на потокъ и на разграбежь* «*домъ его, а переди пагубу исплатити, а въ прочи князю поточити* «*и. Такожде еже кто и дворъ зажьжеть*».

Статья эта имѣетъ еще и другія два чтенія [2]), которыя впрочемъ не представляютъ значительнаго различія отъ приведеннаго мною текста. Во всякомъ случаѣ смыслъ ея выходитъ тотъ, что кто зажжетъ гумно или дворъ, тотъ со всѣмъ своимъ имуществомъ (домомъ) выдается князю *на потокъ и разграбленіе*, но прежде изъ имущества его уплачивается потеря (пагуба) или причиненный убытокъ. Нѣкоторые, какъ Эверсъ и Рейцъ [3]), подъ словомъ *потокъ* понимаютъ заточеніе или изгнаніе; другіе, какъ Раковецкій [4]), думаютъ, что оно значитъ отдачу въ рабство, третіе наконецъ, какъ переводчикъ Эверса [5]), думаютъ, что слово *потокъ* означаетъ выдачу виновнаго головою князю. Хотя по-видимому Платоновъ удаляется отъ подлинника, переводя такимъ образомъ слово *потокъ*, однакожь мнѣ кажется, что догадка его есть самая правдоподобная,

---

[1]) Извѣстно притомъ, что звѣриная и рыбная ловля составляли въ то время одну изъ важнѣйшихъ отраслей народной промышленности въ Россіи.

[2]) См. въ изд. Калачова, на стр. 108.

[3]) Ewers d. ält. R. d. R. S. 332 ff; Рейцъ, перев. Морошкина, стр. 182 и въ др. м.

[4]) Prawda Russka, т. 2. стр. 59 ст. 17 и др.

[5]) Древн. право Р., перев. Платонова, стр. 409 и въ др. м.

по крайней мѣрѣ толкованіе его есть самое обширное и обнимаетъ собою всѣ другія, потому-что князь могъ поступить по своему усмотрѣнію съ человѣкомъ, выданнымъ ему головою: онъ могъ его заточить, сослать въ изгнаніе, лишить свободы какимъ-бы то ни было образомъ, можетъ быть, даже и жизни. Что касается до слова *грабежь* или *разграбежь*, то всѣ понимаютъ его одинаково: оно значитъ конфискацію имущества преступника.

Такимъ образомъ, виновный въ зажигательствѣ и самъ лишался политическаго существованія, и имущество его, оставшееся за удовлетвореніемъ причиненнаго убытка, подвергалось конфискаціи: это самое высокое наказаніе, какое мы встрѣчаемъ въ Правдѣ; кромѣ означеннаго случая, оно опредѣлялось еще за злонамѣренное убійство и кражу нѣкоторыхъ болѣе цѣнныхъ предметовъ [1]), о чемъ будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже. Отсюда явствуетъ, что истребленіе (конечно злонамѣренное) чужого жилища или гумна огнемъ считалось самымъ важнымъ преступленіемъ, доказывающимъ присутствіе злѣйшаго ожесточенія въ преступникѣ, который дѣйствіемъ своимъ могъ лишить заразъ цѣлое семейство и крова и способовъ къ пропитанію, въ особенности если бы дѣйствіе это осталось неоткрытымъ. Не стану утверждать, что въ приведенной статьѣ рѣчь идетъ о злоумышленномъ зажигательствѣ, думаю однако, что случайное причиненіе пожара не могло бы влечь за собою столь страгаго наказанія; по крайней мѣрѣ это было бы очевидно несправедливо. Можно впрочемъ предполагать съ большою вѣроятностію, что тотъ, кто случайно даже причинялъ пожаръ, долженъ былъ отвѣчать за происшедшій отъ сего убытокъ всѣмъ своимъ имуществомъ, но притомъ ни самъ онъ не лишался гражданской свободы, ни имущество его, остававшееся за удовлетвореніемъ убытка, не подвергалось конфискаціи.

Во всякомъ случаѣ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, надобно думать, что прежде нежели виновный могъ быть подвергнутъ опредѣленному наказанію, требовалось доказать ему, посредствомъ иска, что онъ дѣйствительно виновенъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, непосредственно послѣ статьи *о гумнѣ*, безъ особеннаго даже заглавія и отдѣленія, слѣдуетъ постановленіе о злостномъ зарѣзаніи коня или скотины, а вслѣдъ за тѣмъ опять правила о производствѣ исковъ по этого рода дѣламъ [2]), а можетъ быть, и

---

[1]) Сравн. ст. LXXI, изд. Калачова.

[2]) Ср. изданіе текста Правды XIII ст. въ сочиненіи Эверса, переводъ Платонова, стр. 408 и 409, также у Раковецкаго Pr. R. т. II. стр. 97 — 100.

по другимъ о повреждении и истреблении чужой собственности. Текстъ статей, опредѣляющихъ порядокъ производства извѣстныхъ исковъ, по изданію Калачова, слѣдующій.

Ст. CXIX.

«А тыяжe тяже вси судять съ послухы съ свободными; бу-«детъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но «оже хочетъ истчь, или [1]) иметь и, а река тако: по сего (т. е. «холопа) *рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ. И емлеть и на «желѣзо. Аже обвинить и, то и емьлеть на немь свое; не обвинить «ли его, то заплатити ему гривну за муку, зане по холопьи рѣчи «ялъ и»*

Ст. CXLI.

«А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а пол-«гривне дѣтьскому. То ти желѣзныи урокъ, кто си въ чемъ поем-«леть. А оже иметь на желѣзо, по свободныхъ людіи рѣчи, любо «ли запананъ будеть [2]), любо прохожение ночное, или кымъ любо

---

[1]) Въ 44 сп. вмѣсто *или* поставлено *и*: это понятнѣе.

[2]) Такъ читается въ 9, 11, 14, 15, 22, 23, 29 и 32 спискахъ, и это, по моему мнѣнію, самое правильное чтеніе. Извѣстно, сколь различнымъ толкованіямъ подвергалось до настоящаго времени выраженіе «*любо ли запананъ* (или *запа нанъ*, или *запананъ*) *будетъ*». Не входя въ критическій разборъ мнѣній, высказанныхъ о семъ различными писателями, предлагаю здѣсь свою догадку на усмотрѣніе читателей. Нѣтъ сомнѣнія, что Правда, именно въ позднѣйшихъ къ ней прибавленіяхъ, заключаетъ въ себѣ очень много словъ и выраженій, которыя могутъ быть объяснены не иначе какъ изъ языка южно-русскаго или малороссійскаго. Самыя даже грамматическія формы языка Русской Правды (если только о нихъ можно сказать что нибудь положительное) напоминаютъ нерѣдко формы малороссійскаго нарѣчія; напр. *укравъ* вмѣсто *укралъ*, *убивъ* вмѣсто *убилъ* и т. п. Къ числу тѣхъ выраженій, которыхъ значеніе открывается изъ малороссійской рѣчи, я отношу также и «*любо ли запананъ будетъ*». Мнѣ кажется именно, что слово *запананъ* происходитъ отъ малороссійскаго *запынить*, что̀ значитъ *остановить*, *задержать*, какъ-бы *запнуть*. Ежели допустимъ такое происхожденіе слова *запананъ*, то выраженіе: «*любо ли запананъ будетъ*», получитъ такой смыслъ: или же если онъ (т. е. обвиняемый и подвергаемый испытанію посредствомъ желѣза) былъ остановленъ (или задержанъ) кѣмъ-либо (подразумѣвается, на самомъ томъ мѣстѣ или вблизи того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе, въ кото-

«образомъ, аже не ожьжеться, то про то мукы не платити ему,
«нъ одно жельзное, кто и будеть ялъ».

Смыслъ обѣихъ этихъ статей тотъ, что, въ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ искахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и искъ о сожженіи гумна или двора, истецъ долженъ основывать обвиненіе свое на показаніяхъ людей свободнаго состоянія и только за недостаткомъ свободныхъ свидѣтелей можетъ, ежели пожелаетъ, основать свое обвиненіе на свидѣтельствѣ человѣка несвободнаго — холопа. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ онъ рискуетъ иногда самъ подвергнуться нѣкоторой отвѣтственности. Отъ обвиняемаго, конечно въ томъ случаѣ, когда бы онъ запирался въ совершеніи приписываемаго ему противозаконнаго дѣйствія, требовалось, чтобы онъ очистилъ себя испытаніемъ желѣзомъ. Ежели при этомъ онъ обжигался, то, былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе вслѣдствіе показанія людей свободныхъ или даже по свидѣтельству холопа, былъ окончательно обвиняемъ и долженъ былъ заплатить убытки истцу и пеню въ пользу князя. Если же, напротивъ, обвиняемый при испытаніи желѣзомъ не обжегся, то дѣло принимало различный оборотъ, смотря потому, былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе по свидѣтельству свободныхъ людей, или по показанію холопа. Въ первомъ случаѣ, истецъ, независимо отъ потери иска, долженъ былъ еще заплатить такъ называемое *жельзное*, т. е. установленную за испытаніе желѣзомъ въ пользу князя пошлину, именно 40 кунъ; во второмъ же случаѣ, т. е. когда истецъ вызывалъ отвѣтчика на испытаніе желѣзомъ по показанію холопа, онъ обязанъ былъ кромѣ того заплатить еще гривну невинно потерпѣвшему муку. И такъ видно, что нѣкоторые по крайней мѣрѣ иски, между прочими и о зажигательствѣ, производимы были съ извѣстною торжественностію, и для окончательнаго обвиненія подозрѣ-

---

ромъ хотятъ уличить его). Догадку эту подтверждаетъ отчасти и слѣдующее за симъ выраженіе: «*любо прохожение ночьное*», которое я перевожу такъ: или же если его (т. е. обвиняемаго) видѣли проходящимъ ночью (опять надобно подразумѣвать мѣсто совершенія преступленія) И такъ на испытаніе желѣзомъ можно было вызвать, или основываясь на свидѣтельствѣ свободныхъ людей, или на томъ, что обвиняемый задержанъ былъ на мѣстѣ преступленія, или же что его видѣли проходящимъ ночью вблизи того мѣста, или наконецъ и по другимъ обстоятельствамъ, могущимъ подать поводъ къ подозрѣнію.

ваемаго въ совершеніи преступленія требовались полнѣйшія, по понятіямъ того времени, противу него доказательства. Думаю даже, что слова послѣдней изъ приведенныхъ статей: «*оже иметь на* «*желѣзо, по свободныхъ людіи рѣчи, любо ли запананъ будеть, любо* «*прохожденіе ночьное*» и проч., указываютъ преимущественно на производство дѣла о зажигательствѣ.

Замѣчу еще, что законъ предписываетъ истцу, вызывающему отвѣтчика на испытаніе желѣзомъ по показанію холопа, произносить слова: «*по сего* (холопа) *рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя,* «*а не холопъ*». Слова эти имѣютъ видъ юридической формулы, (solemnia verba) и, можетъ быть, дѣйствительно формулу эту обязанъ былъ произносить истецъ съ требуемою въ такихъ случаяхъ торжественностію. Можно даже предположить, что подобныя торжественныя изрѣченія опредѣлены были, ежели не закономъ, то по крайней мѣрѣ обычаемъ, и для другихъ судебныхъ случаевъ и для разныхъ юридическихъ сдѣлокъ. Прописанныя сейчасъ слова ведутъ наконецъ къ заключенію, что холопъ, какъ человѣкъ несвободный, принадлежавшій вполнѣ своему господину, не могъ быть никогда истцемъ, тѣмъ болѣе, что если бы искъ его оказался несправедливымъ, то не было бы возможности взыскать съ него что-нибудь, какъ съ человѣка, не имѣвшаго собственности. Свободный же человѣкъ, основывая требованія свои на показаніи холопа и произнося: «*азъ емлю тя, а не холопъ*», показывалъ тѣмъ самымъ, что онъ готовъ, въ случаѣ потери иска, отвѣчать и казнѣ, и несправедливо обвиняемому отвѣтчику.

Размотрѣнными до сего времени статьями ограничивается кругъ постановленій Русской Правды, имѣющихъ въ виду огражденіе недвижимаго имущества частныхъ лицъ.

Обращаюсь теперь къ изслѣдованію постановленій, направленныхъ на охраненіе движимаго имущества. Статьи, сюда относящіяся, довольно многочисленны, и я постараюсь расположить ихъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, смотря по различію предметовъ, до которыхъ онѣ касаются.

Прежде всего слѣдуетъ, какъ я думаю, обратить вниманіе на статьи, опредѣляющія мѣры огражденія противу похищенія разныхъ предметовъ движимаго имущества, или постановленія о воровствѣ. Нѣкоторыя изъ статей, относящихся къ этому предмету, имѣютъ видъ общихъ, такъ сказать, правилъ, другія, напротивъ, указываютъ на особенные случаи, въ которыхъ эти общія правила могутъ быть вполнѣ или отчасти примѣнены.

Къ числу общихъ постановленій о воровствѣ относятся, по изданію Калачова, слѣдующія статьи:

LXXXV.

«Аже убіють огнищанина у кльти, или у коня, или у говяда, «или у коровь татьбы, то убити въ пса мьсто; а тоже поконъ «и тивуницу».

Ст. LXXXVI.

«А оже убьють кого у кльти, или у которои татьбы, то «убьють и въ пса мьсто. Оже ли и додьржать до свьта, то вести «и на княжь дворъ; оже ли убіютъ и, а уже будутъ видьли людіе «и связана, то платити въ томъ 12 гривне» [1]).

Ст. LXXXVII.

«Оже убіенъ тать, а подымуть ноги во дверь [2]), *ино убитъ; «если подымуть ноги за вороты, толи платити въ немъ».*

Всѣ три статьи заключаютъ, какъ видимъ, одну основную мысль: что хозяинъ вещи можетъ застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора убить *въ пса мьсто*, или, какъ говорится еще и теперь въ просторѣчіи, какъ собаку (ни за собаку), т. е. безнаказанно, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности.

Но притомъ каждая изъ этихъ статей служитъ какъ-бы дополненіемъ и поясненіемъ другихъ. Можно даже предполагать, что онѣ суть не иное что, какъ различныя, въ разное время появившіяся редакціи одного и того же закона. Между тѣмъ какъ первая изъ нихъ, быть можетъ, древнѣйшая, позволяетъ просто убить вора безнаказанно, во второй постановляется уже ограниченіе, состоящее въ томъ, что ежели вора успѣли поймать живого и додержали до свѣта, то не позволялось уже убивать его, подъ опасеніемъ уплаты пени въ 12 гривенъ (?) Третья, наконецъ, изъ приведенныхъ статей [3]) указываетъ какъ-бы на возникшее сомнѣніе о томъ, былъ ли дѣйствительно воръ убитъ на мѣстѣ преступленія (гдѣ его позволялось убить), или же внѣ этого мѣста, внѣ двора. Сомнѣніе разрѣшалось отыскиваніемъ слѣдовъ ногъ убитаго внутри двора и за воротами его. Какъ бы то ни было, видно по крайней мѣрѣ, что мысль о безнаказанномъ убіеніи вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, была, такъ сказать, задуше-

---

[1]) Статья эта имѣетъ еще другое чтеніе, по 1 списку, и это чтеніе тѣмъ въ особенности отличается отъ приведеннаго, что въ концѣ статьи, вмѣсто *«платити въ томъ 12 гривне»* сказано просто: *«платити въ немъ»*. Кромѣ того вмѣсто *«то «убьютъ въ пса мьсто»* читаемъ, *«то тои убитъ»*.

[2]) Эверсъ думаетъ, что надобно читать: *во дворь*.

[3]) Она находится въ одномъ только спискѣ, именно 1. См. изд. Калачова, стр. 113, примѣч.

вною мыслію, глубоко укоренившеюся въ сознаніи народномъ и въ умѣ законодателей. Мы видѣли уже прежде, что она нашла для себя выраженіе въ договорѣ Олега съ Греками, видимъ ее здѣсь, и наконецъ эта же мысль проявляется, быть можетъ, и въ одной изъ статей договора, заключеннаго Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ Ригою и Готландіею. Статья 24 этого договора, по изданію Раковецкаго [1]), гласитъ слѣдующее:

«*Который Роусинъ или Латынескый имѣть татя, надъ тѣмъ* «*іему своя вѫля, камь іего хочеть, тамъ держеть*». Изъ словъ: «*надъ тѣмъ* (т. е. надъ пойманнымъ воромъ) *іему своя вѫля*», можно было бы сдѣлать предположеніе, что хозяинъ, поймавшій вора, могъ даже и убить его; послѣднія однако слова: «*камь іего* «*хочеть, тамъ держеть*», заставляютъ думать, что при постановленіи этой статьи имѣли въ виду именно тотъ случай, когда воръ, не представляя сопротивленія, взятъ былъ живымъ. Тогда хозяину предоставлено было право поступать съ нимъ какъ ему было угодно и держать его въ заключеніи (вѣроятно до окончательной съ нимъ раздѣлки) гдѣ самъ пожелаетъ. Ежели это такъ, то какъ Русская Правда велитъ пойманнаго вора вести на *княжь дворъ,* гдѣ онъ конечно былъ судимъ и наказуемъ независимо отъ произвола поймавшаго его хозяина, договоръ Мстислава Давидовича обращается какъ бы вспять, къ началамъ, которыя мы уже видѣли въ Олеговомъ договорѣ, и, подобно ему, участь пойманнаго вора предоставляетъ произволу обиженнаго, частнаго лица. Независимо отъ сего воръ, который оказывалъ какое-нибудь сопротивленіе и котораго хозяинъ, въ первомъ порывѣ гнѣва, убивалъ, считался вѣроятно, по смыслу договора съ Ригою и Готландіею, точно также какъ и по смыслу Правды, убитымъ *въ пса мѣсто.* Карамзинъ [2]) и нѣкоторые другіе писатели, желающіе, можетъ быть, очистить законодательство славяно-русское отъ упрека въ жестокости, столь несообразной, по ихъ мнѣнію, съ приписываемою древнимъ Славянамъ мягкостію характера, старались доказать посредствомъ разнаго рода сближеній, что законъ, дозволявшій убивать вора на мѣстѣ преступленія, не былъ закономъ кореннымъ, а что онъ заимствованъ изъ законодательства скандинавскаго.

Весьма возможно, что постановленія Русской Правды имѣютъ довольно даже близкое сходство съ постановленіями скандинавскими о томъ же предметѣ, но едва-ли можно уже по-этому утверждать рѣшительно, что первыя были составлены подъ вліяніемъ послѣд-

---

[1]) Rakowiecki, Prawda Russka, т. II. стр. 31.

[2]) Ист. Гос. Росс. изд. 1. т. I. стр. 237 и 481, прим. 503.

нихъ. Защищать себя и свою собственность всѣми возможными средствами, хотя бы даже чрезъ лишеніе жизни того, кто на нихъ нападаетъ, есть конечно такое право, которое человѣкъ, не достигшій еще высшаго гражданскаго образованія, независимо отъ своей народности, считаетъ своею неотъемлемою принадлежностію. Здѣсь надобно искать причины сходства постановленій, ограждающихъ право собственности у различныхъ народовъ. Во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ воровство наказываемо было очень строго, всегда почти смертію [1]).

Всего однако замѣчательнѣе то, что Статутъ Литовскій, котораго послѣдняя редакція появилась уже въ концѣ XVI столѣтія и который до недавняго еще времени имѣлъ обязательную силу, содержитъ постановленія, живо напоминающія опредѣленія Русской Правды, что и онъ также допускаетъ, какъ видно, безнаказанное убіеніе застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора [2]), предписывая притомъ, съ большою подробностію, какъ именно долженъ поступить въ этомъ случаѣ хозяинъ — убійца для того, чтобы доказать предъ судомъ, что онъ дѣйствительно убилъ вора при совершеніи имъ кражи и чтобы такимъ образомъ избѣгнуть судебнаго за то преслѣдованія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ общихъ постановленій о воровствѣ, Русская Правда содержитъ еще довольно много статей, опредѣляющихъ, съ одной стороны, какому наказанію долженъ подвергнуться воръ, когда преступленіе его доказано, а съ другой стороны, въ какой мѣрѣ долженъ быть вознагражденъ хозяинъ украденной вещи за потерпѣнный имъ убытокъ.

Изъ содержанія этихъ статей нашего памятника мы убѣждаемся, что не только мѣра вознагражденія частнаго лица, что̀ очень понятно, но самое наказаніе за воровство, наказаніе, состоявшее большею частію въ платежѣ опредѣленной пени или т. наз. *продажи* въ пользу князя, было различно, смотря по различію украденныхъ вещей. Въ сущности воровство есть всегда воровство и характеръ этого противозаконнаго дѣйствія нисколько не зависитъ отъ различія похищаемыхъ предметовъ и различной ихъ цѣнности. Скорѣе можно бы допустить, что на опредѣленіе сущности этого престу-

---

[1]) Сравн. Maciejowskiego Historya Prawodawstw Słowiańskich, т. II. 1832 г., стр. 162 и слѣд.

[2]) Statut Litewski, Rozdz. XIV, art. 21. § 1. «*Gdzieby kto złodzieja przy licu w domu swym zabił* etc.» . . . . ; также Rozdział XIV art. 26 § 2; у Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 66 и 67, примѣч. (i).

пленія могутъ имѣть вліяніе побудительныя причины, заставившія человѣка рѣшиться на похищеніе чужой собственности. Ясное и точное раскрытіе этихъ причинъ могло бы конечно иногда значительно ослабить понятіе о виновности преступника, иногда напротивъ усилить его. Къ сожалѣнію, раскрытіе внутреннихъ побужденій, заставляющихъ человѣка дѣйствовать такъ или иначе, не можетъ быть предметомъ судебныхъ доказательствъ; по крайней мѣрѣ доказательства эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы совершенными. По-этому-то, можетъ быть, даже законодательства, намъ современныя, мало обращаютъ вниманія на побужденія человѣка, совершившаго противозаконное дѣйствіе, въ особенности, когда оно направлено было противу права собственности, и во многихъ случаяхъ причиняемый преступникомъ матеріальный вредъ служитъ мѣриломъ для опредѣленія степени наказанія. Не удивительно послѣ того, ежели древнія, неразвитыя еще законодательства руководятся этимъ же началомъ.

Изъ всѣхъ предметовъ движимаго имущества, *конь*, какъ животное, самое необходимое въ домашнемъ быту и на войнѣ, былъ предметомъ особенной заботливости закона, и потому за кражу его виновный выдается князю головою или на *потокъ*. Это окрывается изъ

Ст. LXXII.

«*Аще будетъ коневый тать то выдати и князю на потокъ*, «*паки ли будеть клътьный тать, то 3 гривны платити ему за то*».

Нельзя положительно сказать, было ли разграбленіе дома или конфискація имущества необходимымъ слѣдствіемъ выдачи на *потокъ*. Скорѣе можно думать, что нѣтъ; потому-что въ другихъ статьяхъ Правды, которыми опредѣляются наказанія убійцѣ и зажигателю, упоминается ясно не только о поточеніи преступника князю, но и о разграбленіи его имущества. Наказаніе падало такимъ образомъ не на одного только виновнаго, но и на его семейство. Напротивъ въ приведенной сейчасъ статьѣ говорится объ одномъ только *потокѣ*, изъ чего заключить можно, что, хотя воръ, укравшій коня, подвергался самому строгому изъ наказаній, опредѣленныхъ за воровство, по крайней мѣрѣ тяжесть наказанія падала на него одного, семейство же его не терпѣло отъ этого никакихъ лишеній.

За похищеніе или кражу другихъ предметовъ движимаго имущества опредѣляются болѣе или менѣе значительныя пени (продажа), смотря по особенному воззрѣнію того времени на цѣнность украденныхъ вещей. На это ясно указываютъ:

Ст. CXI.

«*Ажє украдетъ кто бобръ, то 12 гривнѣ продажѣ*».

Ст. CX.

«Ажели крадеть гумно, или жито въ ямь, то колико ихъ бу-«деть крало, то всьмъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а у него же «будеть погыбло, то оже будеть лице, то лицемъ поиметь, а за льто «взьметь по полугривнь».

Ст. CVIII.

«Аже ли украдеть кто скотъ въ хльвь, или кльти, то оже «будеть одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ, а будеть ли «ихъ много, то всьмъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити».

Ст. CIX.

«Аже ли украдеть кто скотъ на поли, или овци, или козы, «или свинье, то 60 кунъ, а будеть ли ихъ много, то всьмъ по 60 «кунъ» [1]).

Ст. CXII.

«Аже ли кто украдеть въ чеей перевьси чій песъ, или соколъ, «или ястребъ, то продаже 3 гривны, а господину за тщину гривна».

Ст. CXIII.

«Аже пчелы выдереть кто, 3 гривне продаже, а за медъ, оже «будеть пчелы невылажены, то 10 кунъ, будетъ ли олекъ рекше «гньздо, то 5 кунъ».

Ст. CXIV.

«Аже кто лодью украдеть, то 60 кунъ продаже, а лодью ли-«цемь опять воропити, а не будеть ли лицемь, то за морскую лодью «3 гривне, о за набойную лодью 2 гривне, а за челнъ 20 кунъ, а «за стругъ гривна».

При неопредѣленной теперь еще цѣнности денегъ разсматриваемаго нами времени, трудно составить себѣ совершенно отчетливое понятіе о разной величинѣ пеней, опредѣленныхъ за похищеніе разныхъ вещей. Впрочемъ это и не имѣетъ особеннаго юридическаго интереса. Для насъ всего важнѣе то, ежели мы можемъ открыть и сознать общія начала, которыми въ этомъ случаѣ руководилось древнее законодательство.

Предметомъ особенной его заботливости было, какъ видно изъ приведенныхъ статей, обезпеченіе цѣлости и спокойнаго владѣнія вещами, къ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности относящимися. О похищеніи наличныхъ денегъ и драго-

---

[1]) Эта статья и предшествующая имѣютъ еще и другое чтеніе (по 1 списку, сравн. изд. Калачова), которое тѣмъ въ особенности отличается отъ чтенія по большинству списковъ, что вмѣсто 30 и 60 кунъ продажи, тамъ назначается 30 и 60 рѣзань.

цѣнностей вообще нигдѣ не упоминается, изъ чего вывести можно заключеніе, что эти предметы были тогда довольно рѣдки [1]) и хранились, что̀ называется, *подъ спудомъ*. Самая высокая пеня (12 гривенъ) назначается за кражу бобра. Кажется, что въ старину, хотя бобровъ и нельзя причесть къ разряду домашнихъ животныхъ, Славяне, не только русскіе, но и другіе, занимались ихъ разведеніемъ и имѣли правильно устроенныя бобровыя хозяйства. Знаменитый польскій ученый, Ѳадей Чацкій [2]), утверждаетъ, что многія постановленія XIII столѣтія упоминаютъ объ особенныхъ даже чиновникахъ въ Польшѣ, называемыхъ *бобровниками*, а изъ одной рукописи 1229 года, писанной на латинскомъ языкѣ и принадлежавшей этому ученому, усматривается, что около Пултуска такъ были устроены бобровыя хозяйства, что владѣльцы умѣли даже подбирать цѣлыя стада одношерстныхъ бобровъ, преимущественно черныхъ (castores nigricini). Вѣроятно въ подобномъ же состояніи находилась эта отрасль хозяйства въ древней Россіи.

Далѣе опредѣляются пени, большею частію въ 3 гривны, за кражу зерноваго и немолоченнаго хлѣба (первый хранился въ ямахъ, послѣдній въ гумнахъ), за похищеніе домашняго скота изъ хлѣва или клѣти, равно какъ и въ полѣ. Такъ-какъ охота была вѣроятно не только любимымъ занятіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыльною отраслію промышленности, то по-этому за похищеніе охотничьей собаки, ястреба и сокола опредѣляется стоь же почти высокая пеня, какъ и за кражу домашняго скота. Равнымъ образомъ съ точностію обозначены пени за похищеніе пчелъ, также рѣчныхъ и морскихъ ладей [3]).

Всего замѣчательнѣе для насъ должно быть то, что, какъ это видно изъ содержанія статей CVIII — CX включительно, всѣ участники преступленія подвергались равному наказанію, именно каждый изъ нихъ порознь долженъ былъ заплатить полную, опредѣленную за тотъ или другой видъ покражи пеню, хотя бы даже 10 человѣкъ одну овцу украли [4]). Хотя опредѣленіе это находимъ мы только въ статьяхъ, упоминающихъ о кражѣ скота и хлѣба, можно однако думать, что это же правило примѣняемо было и къ другимъ видамъ похищенія чужой собственности, а можетъ быть, даже и

---

[1]) Сравн. Рейца, переводъ Морошкина, стр. 67, § 16.

[2]) Czacki o Litewskich i Polskich Prawach, т. II, стр. 264.

[3]) Описаніе разныхъ сортовъ ладей см. у Раковецкаго Pr. R. т. I, стр. 139 — 141.

[4]) Это видно изъ варіанта CIX ст., по 1 списку (сравн. изд. Калачова).

къ другимъ преступленіямъ. Какъ скоро человѣкъ достигъ сознанія справедливости въ отдѣльномъ какомъ нибудь случаѣ, то ему не трудно уже примѣнить свое о ней понятіе къ другимъ подобнымъ же явленіямъ и такимъ образомъ возвести его на степень общаго начала. Это даже, мнѣ кажется, есть одно изъ желаній, врожденныхъ человѣческому уму. Замѣчу наконецъ, что въ Статутѣ Литовскомъ находимъ опять постановленія, весьма сходныя съ тѣми статьями Правды, въ которыхъ установляются пени за похищеніе охотничьихъ птицъ и собакъ, также за кражу пчелъ и меда. Само собою разумѣется, что постановленія Статута болѣе подробны и опредѣлительны; это однако не мѣшаетъ замѣчать явное на нихъ вліяніе правилъ разсматриваемаго нами памятника. Надобно даже удивляться, что не смотря на промежутокъ времени, заключающій въ себѣ около 400 лѣтъ и раздѣляющій оба эти законодательные сборника, въ томъ и другомъ встрѣчаемъ мы еще одинаковыя подробности и даже одни и тѣже слова. Такъ, напримѣръ, въ Литовскомъ Статутѣ [1]) различается, такъ же какъ и въ Правдѣ, похищеніе пчелъ *лаженыхъ* отъ *нелаженыхъ*; здѣсь и тамъ говорится о *перевѣси* и о *перевѣсной сѣти* и т. п. [2]). Не есть ли это довольно убѣдительное доказательство тому, что Правда Русская имѣла даже въ Литвѣ обязательную силу закона и принята была, при составленіи Статута Литовскаго, за одно изъ главныхъ руководствъ?

Независимо отъ болѣе или менѣе значительной пени, которою виновный въ похищеніи чужой собственности долженъ былъ удовлетворить хозяина за претерпѣнный имъ убытокъ, общее въ этомъ случаѣ правило было, кажется, то, что украденная вещь возвращаема была *лицемъ* прежнему ея хозяину, если же лица уже не было, то воръ обязанъ былъ заплатить за нее опредѣленную цѣну (урокъ), а иногда и болѣе того, въ вознагражденіе за *обиду*, противозаконнымъ дѣйствіемъ его причиненную хозяину украденной вещи.

Нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ статей Правды, рядомъ съ постановленіями о пеняхъ, содержатъ также указанія на

---

[1]) Stat. Lit. Rozdz. X. art. 13. § 2......«*Za barc' ze pszczołami nie podrąbanemi 3 ruble groszy* ». (y Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 93).

[2]) Stat. Lit. Rozdz. X, art. 8, § 3. «*A ktoby przewies' komu drugiemu porąbał, abo siec' przewies'ną skradł, ma zapłacic' 6 rubli groszy, a za siec' kopę groszy zapłacic'*» (у Раковецкаго, тамъ же, стр. 96).

то, въ какой мѣрѣ долженъ быть удовлетворенъ хозяинъ, потерпѣвшій убытокъ. Такъ въ ст. CX значится, что тотъ, у кого украденъ хлѣбъ, получалъ его обратно, «*а за лѣто вьзметь по полугривнѣ*». Послѣднія слова обыкновенно объясняются такъ, что хозяинъ покраденнаго хлѣба, сверхъ того, что получалъ его обратно, имѣлъ еще право на вознагражденіе со стороны вора за понесенный убытокъ вслѣдствіе того, что воръ отнялъ у него возможность пользоваться этимъ хлѣбомъ въ теченіи лѣта[1]). Далѣе ст. CXII, кромѣ пени за кражу собаки и сокола или ястреба, опредѣляетъ еще вознагражденіе хозяину ихъ: «*а господину за тщину гривна*». Точно также въ ст. CXIII (о пчелахъ) независимо отъ пени за выдраніе пчелъ назначается вознагражденіе за медъ, 10 и 15 кунъ, смотря по тому, были ли пчелы *нелажены*, или только гнѣздо отъ нихъ (олекъ). Нѣкоторые подъ словомъ *олекъ* понимаютъ *улей* и въ такомъ случаѣ надобно его противопоставить борти. Наконецъ въ ст. CXIV опредѣляется, что воръ, кромѣ пени, долженъ былъ или возвратить хозяину украденную ладью, или, когда ея не было въ наличности, заплатить за морскую ладью 3 гривны, за набойную 2 гривны, за стругъ гривну, а за челнъ 20 кунъ.

Кромѣ приведенныхъ указаній на вознагражденіе хозяина, потерпѣвшаго убытокъ, есть еще нѣсколько статей, относящихся непосредственно къ этому предмету, таковы:

Ст. XLI.

«*Пакы ли лица не будеть, аще будеть княжь конь, то платити зань 8 гривны, а за инѣхъ по 2 гривнѣ*».

Ст. XLII.

«*Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, а за лоньщину полгривны, а за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, а за овцю пять кунъ, а за баранъ ногата, а за жеребець, оже будеть не всѣль дано нань, то гривна кунъ дати зань, а за жеребя 6 ногатъ, а за коровіе молоко 6 ногатъ. То ти уроци смердомъ, оже платять князю продажю*».

Ст. XLIII.

«*А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 куня, а за утовь 30 кунъ*».

Ст. XLIV.

«*А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ*».

При опредѣленіи мѣры вознагражденія частнаго лица, потерпѣвшаго убытокъ, принимаемы, быть можетъ, были во вниманіе

[1]) Сравн. впрочемъ Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 69. примѣч.

еще и тѣ статьи Правды, въ которыхъ съ такою точностію обозначается приращеніе всякаго рода вещей, находившихся въ чужомъ пользованіи, по истеченіи опредѣленнаго времени [1]). Что касается до четырехъ только-что прописанныхъ статей, которыя по всей справедливости можно почесть за одну, то изъ нихъ я нахожу возможнымъ вывести одно только заключеніе, именно то, что собственность князя цѣнима была выше, нежели собственность частныхъ лицъ. На это указываетъ именно ст. XLI, въ которой значится, что за княжескаго коня надобно было заплатить 3 гривны, а за коня, частному лицу принадлежащаго, только 2 гривны. Нельзя ли предположить, что это частное постановленіе о конѣ имѣло также значеніе общаго правила и что въ такой же соразмѣрности надобно было платить и за другія у князя украденныя вещи? Ежели, напримѣръ, за похищеніе какой-нибудь вещи у частнаго лица назначено было вознагражденіе въ 20 кунъ, то за похищеніе этой же вещи, если она принадлежала князю, надобно было заплатить 30 кунъ. Можетъ быть, требовалось при томъ, чтобы вещь носила на себѣ признаки, что она дѣйствительно принадлежала князю; такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, судя потому, что сказано въ варіантѣ статьи о конѣ: «*а за княжъ конь, иже той съ пятномъ, 3 гривнѣ*» и проч. [2]).

Таковы были постановленія Русской Правды о похищеніи чужой собственности людьми свободными.

Но весьма многочисленный классъ народонаселенія въ тогдашнее время составляли люди несвободные—рабы или холопы. Чаще, можетъ быть, нежели люди свободнаго состоянія позволяли они себѣ похищать чужія вещи, иногда по нуждѣ, а иногда и по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ.

Какъ бы то ни было, законодатели должны были замѣтить, что правила, установленныя для огражденія частной собственности отъ противозаконныхъ дѣйствій свободныхъ людей, не могли быть примѣняемы къ таковымъ дѣйствіямъ людей несвободныхъ, слѣдовательно нерасполагавшихъ собою и, въ строгомъ смыслѣ, не имѣвшихъ другого значенія кромѣ значенія движимыхъ вещей. Вотъ почему въ разсматриваемомъ памятникѣ русскаго законодательства находимъ нѣсколько особенныхъ правилъ о воровствѣ, совершенномъ холопами. Правила эти выражены въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. XLVI.

(Она имѣетъ два замѣтно различныя чтенія).

а. *А оже ли будуть холопи татье, то судъ княжь любо княжи*

[1]) Именно въ ст. XXII — XXXVII вкл., по изд. Калачова.

[2]) См. изд. Калачова, ст. XLI, по 1 сп.

«любо боярстии, любо черньчи, ихъ же князь продажею не казнить, «занеже суть не свободнии, то двоици платити истьцу за обиду». (Таково чтеніе по большинству списковъ).

б. *Ажъ будетъ холопски тать, то судъ княжь, ихъ же князь «обиду платитъ истцу».* (Чтеніе по 33 и 34 спискамъ).

Ст. XLIX.

«Аже ли холопъ покрадеть кого любо, то господину выкупати «и, любо выдати и съ кымъ будеть кралъ: а женѣ, ни дѣтемъ не «надобе, а оже будуть съ нимъ крали или хоронили, то всѣхъ ихъ «выдати. Пакы ли я выкупаеть господинъ, аже ли будуть свобо-«дници съ нимъ крали или хоронили, то всѣ князю въ продажѣ».

Ст. XLVII.

«Аже холопъ обѣльный выведеть конь чїй любо, то платити «зань господину его 2 гривнѣ.

Двѣ первыя изъ приведенныхъ статей заключаютъ какъ-бы общія правила относительно кражи, совершенной холопами; другія двѣ, напротивъ, указываютъ на особенные случаи. Смыслъ общихъ правилъ, кажется, тотъ, что, ежели воръ оказался человѣкомъ несвободнымъ, а принадлежащимъ кому-нибудь холопомъ, то такъ-какъ холопъ ничего своего не имѣлъ, и нельзя было подвергнуть его пенѣ въ пользу князя. Частное лице однако, потерпѣвшее убытокъ, не должно было оставаться безъ удовлетворенія. Хозяинъ раба, совершившаго кражу, долженъ былъ заплатить обиженному лицу вдвое противу того, чего стоила украденная вещь и тѣмъ какъ-бы выкупить своего холопа; если же онъ не хотѣлъ выкупать своего раба, то обязанъ былъ выдать его головою хозяину украденной вещи, и не только его одного, но и всѣхъ, непосредственно участвовавшихъ въ кражѣ или только потворствовавшихъ этому преступленію черезъ укрывательство воровскихъ вещей. Законъ однако явнымъ образомъ отдѣляетъ участь вора отъ участи его семейства, постановляя, что жена и дѣти холопа, совершившаго воровство, не выдаются вмѣстѣ съ нимъ, развѣ только, когда они также участвовали въ кражѣ или же хранили украденныя вещи. Ежели въ совершеніи воровства или утайкѣ вещей вмѣстѣ съ холопомъ участвовали свободные люди, то, хотя бы господинъ выкупилъ своего холопа, всѣ прочіе не освобождались уже черезъ это отъ наказанія, напротивъ каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить князю опредѣленную закономъ продажу. И такъ здѣсь опять видимъ мы, что не только всѣ соучастники преступленія, но и укрыватели подвергались равному взысканію.

Особенное правило постановляется на тотъ случай, когда бы

чей-нибудь холопъ, бѣжавъ, слѣдовательно вышедши на время, хотя и незаконно, изъ-подъ непосредственной власти и присмотра своего господина, снесъ что-либо отъ сосѣдей его. Хозяинъ бѣжавшаго и потомъ укравшаго что-либо раба могъ конечно отказаться отъ него и предоставить его распоряженію потерпѣвшаго убытокъ; но ежели онъ хотѣлъ получить своего холопа обратно, то долженъ былъ заплатить хозяину украденной вещи только цѣну ея (*«урокъ платити»*), не бывъ обязаннымъ платить за нее вдвое, какъ-бы во вниманіе къ тому, что хозяинъ бѣглаго раба не имѣлъ уже возможности присматривать за его дѣйствіями.

Въ послѣдней наконецъ изъ прописанныхъ статей постановляется, что ежели чей-либо холопъ уведетъ чужого коня, то господинъ его долженъ за него заплатить 2 гривны (за княжескаго коня, быть можетъ, 3 гривны). Не могу понять, почему за кражу коня холопомъ господинъ его платилъ только обыкновенную обиду [1]), между тѣмъ какъ по общему правилу онъ бы долженъ платить вдвое.

Кромѣ людей свободныхъ и несвободныхъ, были еще въ древней Россіи такія лица, которыя, не теряя личной свободы, состояли однако, хотя и временно, въ столь тѣсной зависимости отъ другихъ лицъ, что ихъ можно назвать людьми полусвободными: это такъ называемые *закупы* или *закупни*, т. е. люди, которыхъ дѣятельность и личная свобода закуплена была на опредѣленное время другими за извѣстное количество денегъ. Такіе закупы легко могли обратиться въ людей совершенно несвободныхъ — *въ холопей*, ежели, напримѣръ, они дѣлали покушеніе на бѣгство отъ господина, во власти котораго состояли [2]). Объ этихъ полусвободныхъ людяхъ Русская Правда содержитъ довольно много постановленій, и между ними есть одно, которое именно указываетъ на тотъ случай, когда кража совершена закупомъ.

Ст. XXI.

«*О закупѣ. Оже уведеть что, то господинъ въ томъ не пла-*
«*тить* [3]), *нъ оже индѣ налѣзуть и, то заплатить, передніи го-*
«*сподинъ его конь, или ино что будеть взялъ, а ему холопъ обьль-*
«*ныи. Паки ли господинъ его не хотѣти начнеть платити зань, а*
«*продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за*
«*товаръ, что будеть чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти*
«*собѣ*».

---

1) Сравн. выше ст. XLI.

2) Сравн. ст. XVII, изд. Калачова, стр. 87.

3) «*Не платить*» прибавлено въ 12 и 40 спискахъ.

Начало этой статьи представляетъ поводъ къ сомнѣніямъ, именно потому-что въ нѣкоторыхъ спискахъ не достаетъ словъ: *«не платить»*, въ другихъ напротивъ, хотя и не многихъ, слова эти прибавлены. Отсюда произошли различные переводы и толкованія этого текста. Нѣкоторые, между прочими и Раковецкій [1]), не принимая во вниманіе словъ: *«не платить»*, думаютъ, что когда закупъ уведетъ чью-либо скотину, то господинъ его долженъ заплатить. Напротивъ Эверсъ [2]) понимаетъ начало этой статьи такъ, что господинъ не отвѣчаетъ за своего закупа, если сей, снесши что-нибудь у посторонняго человѣка, скрывался и если онъ не былъ представленъ хозяину своему на лице. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ надобно, кажется, согласиться, принимая во вниманіе все, что читаемъ непосредственно послѣ словъ: *«то господинъ въ томъ не платить»*. Да, хозяинъ закупа не платитъ за него, покуда его не отыщутъ, потому-что въ такомъ случаѣ хозяинъ терпѣлъ бы двойной убытокъ, лишаясь и услугъ закупа и сверхъ того вознаграждая причиненный имъ кому-нибудь убытокъ. Но когда закупъ, совершившій кражу, былъ отысканъ и представленъ своему хозяину, тогда послѣдній, заплативъ за него владѣльцу украденной вещи, пріобрѣталъ уже надъ закупомъ право полной собственности,—закупъ становился холопомъ. Впрочемъ законъ предоставляетъ хозяину закупа, безъ предварительнаго платежа за причиненный имъ убытокъ, продать его какъ раба, удовлетворить изъ вырученныхъ за продажу денегъ владѣльца украденной вещи, остальное же взять себѣ въ вознагражденіе за деньги, которыя онъ, по выраженію закона, *запустилъ* за закупа. Было ли это вознагражденіе достаточнымъ для господина закупа, или нѣтъ, объ этомъ уже законъ не заботится: довольно того, что онъ позаботился о томъ, чтобы равно хозяинъ украденной вещи, какъ и владѣлецъ закупа по возможности были удовлетворены.

Не лишнимъ считаю присовокупить здѣсь, что правила, опредѣляющія взаимныя отношенія господъ и слугъ, не чужды также законодательствамъ другихъ славянскихъ народовъ, и что правила эти представляютъ довольно много общаго между собою; въ особенности во всѣхъ проглядываетъ желаніе закона быть по отношенію къ обѣимъ сторонамъ равно безпристрастнымъ и справедливымъ. Въ доказательство этого Раковецкій приводитъ цѣлый рядъ постановленій права чешскаго, короля Владислава, также Статута Вислицкаго Казиміра В. и наконецъ Статута Литовскаго [3]). Ближай-

[1]) Rakowiecki Pr. R. т. II. стр. 84.

[2]) Ewers d. ält. R. d. R. S. 330 und 310, Anm. 27.

[3]) Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 83 и 84, прим. (u)

шее сходство съ статьею Правды о закупѣ, совершившемъ кражу, имѣетъ постановленіе Вислицкаго Статута: «*Si famulus alicujus, dic*«*tus Golota* (дословно — голышъ, бѣднякъ, *aut alias Oblomek* (обломокъ — какъ-бы ничтожная часть общественнаго союза), *vicino Domini sui* «*aut alieno damnum intulerit, aut injuriatus fuit, Dominus ipsius pro ipso* «*satisfacere teneatur*» [1]).

Ежели древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, особенныя правила о кражѣ, совершенной холопами, то, съ другой, онъ не могъ также не обратить вниманія на то, что холопы, какъ собственность частныхъ лицъ, могли въ свою очередь быть предметомъ похищенія, увода и другихъ видовъ противозаконнаго завладѣнія. Такъ-какъ притомъ холопы составляли конечно одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ частной собственности, то законодательство должно было позаботиться объ установленіи точнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія спокойнаго ими владѣнія. Мѣры эти дѣйствительно опредѣлены были, въ особенности въ тѣхъ статьяхъ Правды, которыя устанавливаютъ порядокъ отысканія и возвращенія вещей, опознанныхъ настоящимъ ихъ хозяиномъ въ чужихъ рукахъ. Объ этихъ статьяхъ буду имѣть случай говорить нѣсколько ниже; здѣсь считаю необходимымъ указать только на одну статью, въ которой прямо говорится о кражѣ или уводѣ чужого раба и о пенѣ за такое провивозаконное имъ завладѣніе. Она имѣетъ два различныя чтенія:

Ст. CVII.

а. (по 1-му списку)

«*Аже уведеть чюжъ холопъ, любо робу, платити ему за обиду* «*12 гривнъ*».

б. (по большинству списковъ)

«*А князю продаже 12 гривне въ челядинъ, или украденъ или* «*уведенъ есть*».

Отсюда видно, что за уводъ и кражу холопа или рабы постановлена была пеня, равная той, какой подвергался виновный въ кражѣ бобра.

Изъ всего, что до сего времени сказано было о похищеніи чужой собственности, легко убѣдиться, что древнее русское законодательство выказало необыкновенную заботливость въ изысканіи мѣръ для огражденія имущества частныхъ лицъ отъ этого рода противозаконныхъ дѣйствій. Но оно не ограничилось указаніями на пени, которыя виновный обязанъ былъ платить въ пользу князя, и на мѣру вознагражденія частныхъ лицъ за понесенный ими убы-

---

[1]) Vol. Legum, t. I, fol. 36; у Раковецкаго тамъ же стр. 85, пр. (w).

токъ: оно еще предоставило послѣднимъ всѣ способы для отыскания принадлежащаго имъ имущества, но по тому или другому случаю находящагося въ чужихъ рукахъ. Способы эти опредѣляются въ слѣдующихъ статьяхъ Правды:

Ст. CXXIII.

а. (по большинству списковъ)

«Аще кто конь погубить или оружіе, или портъ, а заповѣсть «и на търгу, а послѣдьи познаеть въ своемь городѣ, и свое ему ли«цемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны».

б. (По 1-му списку)

«Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружіе, любо портъ, а «познаеть въ своемъ міру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду»,

Ст. CXXV.

«Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ, или украдено «у него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рьци ему: «се мое, но: поиди на свдъ, гдѣ еси взялъ [1]). Сводитеся, и кто бу«деть виноватъ, на того татба снидеть. Тъгда онъ свое възметь, «а оже что будеть съ нимъ погыбло, тойже начнеть ему платити».

Ст. CXXVI.

«А оже будеть въ одиномь городѣ, то ити истцю, до конца «того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго «свода, а что будеть лицемъ, то третьему платити кунами за «лице, а съ лицемъ ити до конца свода, а истцю ждати прока. А «гдѣ снидеть на конечьнаго, то тому все платити, и продажю».

Ст. CXXVIII.

«А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть, нъ также [2]) «вывести ему послухы, любо мытника, передъ кымъ же купивше; то «истьцю лицемъ взяти, а прока ему желѣти, что съ нимъ погыбло, «а оному своихъ кунъ желѣти, дондеже налезѣть».

Ст. CXXIV.

«Аже челядинъ съкрыеться, а закличють и на търгу, а за «три дни не выведуть его, а познаети и въ третій день, то свой «челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продаже».

Ст. CXXVII.

«Аже кто познаеть челядинъ свой украденъ, а поиметь и, то «оному вести и по кунамъ, до третьяго свода: пояти же челя«динъ въ челядина мѣсто, а оному же дати лицемъ, отъ идеть и «до конечьняго свода; а то есть не скотъ нельзѣ рѣчи: не вѣмь у

---

[1]) Въ 1-мъ спискѣ послѣ словъ: *«гдѣ еси взялъ»*, прибавлено: *«или «не поидеть, то поручника за пять днiи»*.

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ: *«тамъ же»*.

«кого есмь купилъ, но по языку ити до конча свода, а кдѣ будеть ко-«нечній тать, то опять воротить челядина, а свой поиметь, и «проторъ тому же платить». [1])

Прежде всего нужнымъ считаю замѣтить, что Калачовъ, говоря о процессѣ въ дѣлахъ по воровству, высказалъ слѣдующее о немъ мнѣніе. *«Когда хозяинъ пропавшей вещи или скрывшагося че-«лядина объявитъ немедленно объ этой пропажѣ во всеобщее свѣдѣніе «на торгу, то, по отысканіи ея въ чужомъ владѣніи, имѣетъ право «взять предметъ иска у кого нашелъ, безъ всякихъ судебныхъ формъ, «потому-что послѣдній предполагается воромъ безъ дальнѣйшихъ до-«казательствъ и обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю про-«дажу. Напротивъ, когда хозяинъ пропавшей вещи или челядина не «объявитъ о томъ предварительно на торгу, онъ долженъ, для воз-«вращенія ея въ свое владѣніе, отыскать дѣйствительнаго или пред-«полагаемаго закономъ вора. Но чтобъ установить этотъ искъ, хо-«зяину необходимо найти пропавшую у него вещь или челядина: тогда «онъ обращается къ ихъ незаконному владѣльцу, но не можетъ взять «ихъ у него прямо, а долженъ взять его на сводъ»* [2]). И такъ, Калачовъ думаетъ, что *сводъ*, или хожденіе истца отъ одного отвѣтчика къ другому, тогда только былъ употребляемъ, когда хозяинъ пропавшей вещи не объявилъ на торгу о своей пропажѣ, если же онъ это сдѣлалъ, то могъ взять ее у кого находилъ безъ всякихъ судебныхъ формъ. Какой же хозяинъ послѣ того не позаботился бы о томъ, чтобы, кликнувъ кличъ на торгу, избавиться отъ хожденія по своду и имѣть право отнять вещь свою у каждаго, какъ скоро опознаетъ ее? Ученый Эверсъ дѣлаетъ другое предположеніе [3]). Онъ думаетъ также, что хозяинъ пропавшей вещи, опознавъ ее въ чужихъ рукахъ, имѣлъ право взять ее безъ дальнихъ околичностей (ohne weitere Umstände), какъ скоро не настояло сомнѣнія, что эта вещь есть дѣйствительно его собственная, или когда тотъ, у кого она была находима, не обнаруживалъ притязаній на законное владѣніе ею: въ противномъ случаѣ надобно было прибѣгнуть къ своду. Но часто ли могло случаться, чтобы тотъ, у кого находима была чужая вещь, соглашался безъ дальныхъ околичностей отдать ее и не старался напротивъ доказать, что она пріобрѣтена имъ законнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, отдавая

---

[1]) Эверсъ думаетъ, что надобно читать, въ началѣ статьи, не «*по купамъ*», а *по конамъ* или *по концамъ*, т. е. по частямъ города (das ält. R. d. R. S. 339, Anm. 22).

[2]) Калачова изсл. о Русск. Пр., стр. 128 и 129.

[3]) Das ält R. d. R. S. 279 ff.

вещь безпорно, онъ какъ-бы самъ себя признавалъ воромъ и обязанъ былъ заплатить довольно значительную пеню? Конечно нѣтъ. Принявъ предположеніе Калачова, мы должны прійти къ заключенію, что къ своду прибѣгали очень рѣдко, быть можетъ, даже никогда. Напротивъ, допустивъ, что мнѣніе Эверса справедливо, надобно будетъ остановиться на мысли, что хозяинъ пропавшей вещи весьма рѣдко могъ получить ее обратно безъ дальнѣйшихъ околичностей, — безъ употребленія свода. Равно Эверсъ, какъ и Калачовъ обнаруживаютъ мнѣніе, что хозяинъ, отыскивавшій вещь свою, могъ самоуправствомъ получить ее отъ того, въ чьихъ рукахъ она находилась, и полагаютъ, что это было очень натурально въ тогдашнемъ положеніи общества. Съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, тѣмъ менѣе, что постановленія Русской Правды, опредѣляющія порядокъ отысканія пропавшихъ вещей, по моему убѣжденію, нисколько не предоставляютъ произвола и самоуправства хозяину этихъ вещей, а, напротивъ, положительно предписываютъ ему соблюденіе извѣстныхъ формальностей. Въ этомъ, мнѣ кажется, довольно легко убѣдиться, разсматривая внимательно текстъ приведенныхъ статей Правды, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ мною прописаны.

Въ первой изъ этихъ статей (CXXIII), представленной въ двухъ замѣчательныхъ варіантахъ, которые могутъ быть даже приняты за два отдѣльныя постановленія, опредѣляется, что тотъ, у кого пропала лошадь, оружіе или платье, или у кого они были украдены, долженъ объявить о томъ на торгу, а если въ послѣдствіи времени онъ опознаетъ ихъ въ своемъ городѣ или своемъ міру у кого нибудь, то можетъ взять собственность свою *лицемъ* и доправить еще 3 гривны за причиненную ему обиду. Эта-то статья подала поводъ Эверсу и Калачову думать, что хозяинъ пропавшей вещи могъ отнять ее у каждаго безъ дальныхъ околичностей или формальностей. Конечно, если бы въ Правдѣ не было еще другихъ постановленій, касающихся этого же предмета, то надобно было бы согласиться съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Но ежели эта статья нашего памятника предоставляетъ хозяину пропавшей или украденной вещи право взять ее обратно, то вслѣдъ за тѣмъ она также опредѣляетъ, какимъ именно образомъ онъ можетъ получить ее, устраняя мысль о самоуправствѣ, которое, равно въ быту общественномъ, какъ и въ такъ называемомъ *естественномъ состояніи* (im Naturstande) [1]), вело бы необходимо къ враждѣ, дракѣ или войнѣ. И дѣйствительно мы видимъ, что статья CXXV говоритъ положи-

---

[1]) Ewers, d. ält. R. d. R. S. 292.

тельно хозяину, отыскивающему свою собственность: если ты опознаешь у кого что-нибудь у тебя украденное или пропавшее, то не скажи ему: *это мое*, но скажи ему: *пойди на сводъ, — укажи, гдѣ ты пріобрѣлъ вещь, которую я нахожу у тебя и которая принадлежитъ мнѣ*. Ежели тотъ, у кого опознана вещь, не можетъ сейчасъ-же удовлетворить требованію истца, если что-нибудь препятствуетъ ему немедленно отправиться на сводъ, то онъ можетъ потребовать себѣ отсрочки на 5 дней, давъ по себѣ поручителей въ томъ, что по истеченіи сего срока онъ пойдетъ отыскивать того, отъ кого онъ пріобрѣлъ опознанную у него вещь. Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что въ этомъ постановленіи положено начало законнымъ срокамъ, въ послѣдствіи времени столь разнообразнымъ и многочисленнымъ [1]). Далѣе гласитъ та же статья: сведитесь (т. е. идите отъ одного пріобрѣтателя къ другому), а кто окажется виновнымъ (т. е. не будетъ въ состояніи доказать, что онъ законнымъ образомъ пріобрѣлъ вещь отъ другого), на того *татьба снидетъ* (т. е. тотъ будетъ признанъ воромъ, хотя бы дѣйствительно и не онъ укралъ вещь). Послѣ того первый истецъ возьметъ вещь свою лицемъ, а если вмѣстѣ съ нею еще что-нибудь пропало, то и за остальное долженъ будетъ заплатить тотъ, кто не могъ доказать законнаго пріобрѣтенія отыскиваемой вещи.

Гдѣ же тутъ самоуправство? Я по крайней мѣрѣ не вижу его и радуюсь за древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства, что онъ умѣлъ устранить его, не смотря на то, что власть общественная не принимала еще никакого почти участія въ разбирательствѣ исковъ объ имуществѣ [2]) и предоставляла все самимъ тяжущимся, при участіи только добрыхъ людей своего города или округа.

Сводъ, или хожденіе отъ одного пріобрѣтателя къ другому, подверженъ былъ извѣстнымъ ограниченіямъ для пользы хозяина, отыскивавшаго пропавшую у него вещь. Такъ ст. CXXVI установляетъ, что ежели всѣ пріобрѣтатели были въ самомъ (единомъ) городѣ, то истецъ долженъ былъ ходить до конца свода (т. е. покуда не отыскался тотъ, кто не могъ уже вести далѣе, не въ состояніи будучи указать на того, отъ кого онъ прі-

[1]) Das ält. R. d. R. S. 282 и 283.

[2]) За исключеніемъ тяжебъ о раздѣлѣ наслѣдства между братьями, на что указываетъ ст. CXLIII: «*Аже братья ростяжуть-*«*ся передъ княземъ о задницю, то который дѣцькый идетъ и* «*ихъ дѣлить, то тому взяти себѣ гривна кунъ*».

брѣлъ спорную вещь). Но ежели приходилось дѣлать сводъ *по землямъ* (т. е. внѣ городской черты), — *въ земствѣ*[1]), то истецъ обязанъ былъ ходить самъ только до третьяго свода (т. е. до 3-го пріобрѣтателя), послѣ чего онъ получалъ деньгами (кунами) плату за свою вещь, которая, какъ поличное, оставалась въ рукахъ третьяго пріобрѣтателя. Послѣдній долженъ былъ отправиться отыскивать того, у кого онъ купилъ вещь, а настоящій хозяинъ, получивъ цѣну ея, долженъ былъ покуда удовольствоваться этимъ, хотя бы кромѣ того еще что-нибудь вмѣстѣ съ этой же вещью у него пропало, за что бы онъ имѣлъ право требовать себѣ вознагражденія. Когда же отыщется послѣдній пріобрѣтатель, не могущій доказать законность пріобрѣтенія, то сей обязанъ былъ заплатить за все и кромѣ того пеню или продажу. Далѣе въ ст. CXXVIII указывается на тотъ случай, когда бы надобно было искать незаконнаго владѣльца внѣ опредѣленнаго вѣдомства, *въ чужой землѣ*. Но по словамъ закона, въ чужой землѣ свода быть не должно; по-этому тотъ, на комъ остановился сводъ въ своей землѣ, ежели онъ хотѣлъ избавиться отъ платы за все пропавшее вмѣстѣ съ отыскиваемою вещью и отъ пени, долженъ былъ представить свидѣтелей или мытника, въ присутствіи которыхъ онъ купилъ вещь. Послѣ сего законный хозяинъ вещи получалъ ее обратно, но о прочемъ, вмѣстѣ съ нею пропавшемъ, онъ могъ только жалѣть (*«а прока ему жалѣти»*), точно также какъ и тотъ, на комъ сводъ остановился, могъ только жалѣть о своихъ деньгахъ, заплаченныхъ имъ за отнятую у него вещь, по крайней мѣрѣ покуда не представится ему случай отыскать того, у кого самъ онъ вещь эту купилъ.

На подобный же случай указываетъ еще правило о куплѣ краденныхъ вещей, изображенное въ

Ст. VIII.

«Пакы ли будеть что татебное купилъ въ търгу или конь, «или пъртъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два, или «мытника; аже начьнеть не знати у кого купилъ, то ити по немъ «тьмъ видокомъ на роту. А истцю свое лицемь взяти, а что съ «нимь погыбло, того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, «зане не знаеть у кого купивъ; а познаеть ли и на долзѣ у кого то «купивъ, то свое куны възметь, и сему платити что у него будеть погыбло, а князю продажю».

---

[1]) Сравн. Rakowiecki Pr. R. т. II. стр. 139, прим. 51. У насъ и теперь еще въ извѣстныхъ случаяхъ отличается городское вѣдомство отъ земскаго.

Изъ этой статьи видимъ, что свидѣтели, представляемые тѣмъ, кто желалъ избавиться отъ платежа пени, опредѣленной за неправильное присвоеніе чужой собственности, должны были дать присягу (идти на роту) въ томъ, что они дѣйствительно присутствовали при совершеніи купли. Калачовъ на основаніи этой же статьи полагаетъ, что договоръ купли - продажи, для того, чтобы онъ имѣлъ юридическое значеніе, всегда долженъ быть совершаемъ и приводимъ въ исполненіе въ присутствіи 2 свидѣтелей и мытника [1]). Нельзя ли предположить скорѣе, что покупщикъ тогда только долженъ былъ для собственнаго спокойствія выводить 2 свидѣтелей или мытника, когда онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать, что продаваемая ему вещь есть краденная? Мнѣ кажется, что это предположеніе болѣе сообразно съ духомъ тою времени и тою довѣрчивостію, которая проглядываетъ во многихъ постановленіяхъ разсматриваемго нами памятника.

Мы видѣли, каковы были общія постановленія о способахъ отысканія утраченной или украденной вещи: нельзя не удивляться ихъ ясности, полнотѣ и стройности. Но подобно тому, какъ и въ другихъ случаяхъ, и здѣсь также рядомъ съ общими правилами находятся еще особенныя опредѣленія объ отысканіи нѣкоторыхъ, такъ сказать, привилегированныхъ предметовъ собственности, именно украденныхъ или скрывшихся рабовъ. Впрочемъ эти особенныя опредѣленія не многимъ отличаются отъ общихъ, разсмотрѣнныхъ уже правилъ.

Изъ словъ CXXIV статьи видимъ, что хозяинъ скрывшагося челядина объявлялъ о томъ на торгу, такъ же какъ и о другой пропажѣ. Послѣ такого объявленія, которое, будучи сдѣлано на торгу, считалось довольно гласнымъ, тотъ, у кого находился скрывшійся рабъ, обязанъ былъ *вывести* его въ теченіи трехъ дней (т. е., по моему мнѣнію, отвести его къ господину); ежели онъ этого не сдѣлалъ, а по истеченіи трехъ дней хозяинъ раба опозналъ его, то виновный не только долженъ былъ отдать раба, но еще заплатить и 3 гривны пени [2]). Впрочемъ и здѣсь также имѣетъ мѣсто сводъ, въ томъ случаѣ, когда бы опознанный рабъ попалъ къ послѣднему владѣльцу по одному изъ за-

[1]) Калачова Изслѣд. о Русск. Пр., стр. 83.

[2]) Эверсъ думаетъ напротивъ, что тотъ, у кого скрывался рабъ, обязанъ былъ только выпроводить его изъ своего дома (Das ält. R. d. R. S. 285 и 286, nota 24). Надѣюсь однако найти подтвержденіе моему мнѣнію въ нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ Правды, о которыхъ буду сейчасъ говорить.

конныхъ способовъ пріобрѣтенія. На это указываетъ именно статья CXXVI, въ которой заключаются особыя правила о сводѣ при отыскиваніи рабовъ. По смыслу этой статьи, тотъ, у кого найденъ былъ бѣжавшій или украденный рабъ, долженъ былъ вести истца по частямъ города или *концамъ* до третьяго свода. Дошедши до третьяго пріобрѣтателя, хотя бы и другіе были въ томъ же городѣ, хозяинъ отыскиваемаго раба освобождался уже отъ дальнѣйшаго хожденія и, не дожидаясь окончательной раздѣлки, получалъ отъ третьяго пріобрѣтателя одного изъ его рабовъ на мѣсто своего собственнаго, который оставался, какъ живое поличное, у того, кто долженъ былъ продолжать сводъ. Такъ-какъ, говоритъ весьма раціонально законъ, рабъ не есть животное безсловесное, то и нельзя покончить дѣла по отзыву о невѣденіи, у кого купленъ («*не вѣмь у кого есмь купилъ*»); напротивъ надобно *по языку* (т. е. по указанію самого раба) отыскивать окончательнаго татя, т. е. того, кто дѣйствительно укралъ раба или кто, скрывъ его у себя, не смотря на сдѣланное о пропажѣ объявленіе, не возвратилъ его хозяину и продалъ его какъ свою собственность другому. Этотъ окончательный тать долженъ былъ, разумѣется, заплатить опредѣленную пеню и кромѣ того *проторъ*, т. е. убытки, отъ самого производства дѣла происшедшіе [1]). Украденный или бѣглый рабъ возвращался къ хозяину, который въ свою очередь долженъ былъ отдать третьему пріобрѣтателю того раба, котораго онъ взялъ у него для временнаго пользованія его услугами въ замѣнъ своего собственнаго.

Въ непосредственной связи съ постановленіями, сейчасъ разсмотрѣнными, состоятъ еще нѣкоторыя статьи Правды, имѣющія въ виду обезпеченіе возврата рабовъ къ законному ихъ владѣльцу. Сюда именно относятся:

Ст. IX.

«Аже кто кърнеть (купитъ) чюжъ холопъ, а не вѣдая, то «първому господину холопъ пояти, а оному куны имати, ротѣ хо«дивше, яко не вѣдая есмь купилъ; вѣдая ли будеть купилъ, то «кунъ ему лишену быти».

Ст. LII.

«Аже ли холопъ бѣжить, а заповѣсть его господинъ, оже слы«шавъ кто, или зная, или вѣдая, оже есть холопъ и дасть ему хлѣба «или укажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ «кунъ, а за робу 6 гривенъ кунъ».

Ст. LIII.

«Аже ли кто не вѣдая чюжь холопъ усрящеть, или повѣсти

[1]) Это первый намекъ на вознагражденіе судебныхъ издержекъ.

«дъетъ [1]), *любо дьржить и у себе, а отъидеть отъ него, то ити ему «къ роти, яко не въдалъ есмь оже есть холопъ и бъгаеть, а пла- «тежа ему въ томъ нътуть».*

Ст. LIV.

«Аже кто переимътъ чюжь холопъ или робу и подасть вѣсть «господину его, то имати ему переемъ гривна кунъ; не ублюдеть «ли холопа, то платити ему 4 гривны кунъ за холопъ, а пятая «ему переима, оже ли будеть роба, то дати ему 5 гривенъ, а шестая «на переемъ отходитъ ему».

Ст. LVIII.

«Оже холопъ бѣгая добудеть товару, то господину же и хо- «лопъ, и долги, господину же и товаръ, а не лишатися его».

Первая изъ приведенныхъ статей гласитъ, что тотъ, кто купитъ чужого холопа, не зная о томъ, что онъ чужой, долженъ отдать его настоящему хозяину, а доказавъ невѣденіе свое присягою, имѣетъ въ свою очередь право требовать заплаченныхъ имъ денегъ отъ того, у кого онъ купилъ чужого раба. Если же покупщикъ зналъ, что онъ покупаетъ чужого раба, то лишался своихъ денегъ, но этимъ, кажется, и ограничивалась его отвѣтственность, опредѣленную же пеню вѣроятно долженъ былъ во всякомъ случаѣ платить тотъ, кто продалъ завѣдомо чужого раба. Достойно замѣчанія, что покупщикъ чужого холопа могъ очистить себя личною присягою, между тѣмъ какъ покупщикъ другихъ краденныхъ вещей [2]) долженъ былъ вести къ присягѣ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника. Кажется, это можно объяснить тѣмъ, что холопъ, о покупкѣ котораго шло дѣло, могъ самъ засвидѣтельствовать незнаніе того, кто купилъ его.

Слѣдующія за тѣмъ три статьи: LII, LIII и LIV, составляютъ какъ-бы одно отдѣльное постановленіе, опредѣляющее правила о побѣгѣ рабовъ и возвращеніи ихъ хозяину. Смыслъ этихъ правилъ тотъ, что когда кто объявитъ о побѣгѣ холопа, то никто, *зная и вѣдая*, что холопъ есть бѣглый, не долженъ держать его у себя, давать ему пищу или *указывать путь* къ дальнѣйшему побѣгу. Въ противномъ случаѣ виновный обязанъ будетъ заплатить хозяину такую же сумму, какъ и за убійство ра-

---

[1]) Эверсъ переводитъ это непонятное для меня выраженіе словами: или подасть ему вѣсть. Если бы можно было вмѣсто *«повъсти дъетъ»* поставить *поъсти даетъ*, то смыслъ былъ бы совершенно ясенъ.

[2]) Сравн. выше, замѣчаніе на ст. VIII.

ба [1]), т. е. за холопа. 5, а за рабу 6 гривенъ [2]). Впрочемъ и въ этомъ случаѣ обвиняемый могъ очистить себя присягою въ томъ, что онъ не зная встрѣтилъ, накормилъ и держалъ у себя чужого раба: тогда онъ освобождался отъ всякой платы.

Съ другой стороны опредѣлено было, что тотъ, кто принялъ чужого бѣглаго раба и далъ о томъ знать его господину, получалъ въ вознагражденіе гривну (за переемъ); но ежели перенявшій не съумѣлъ уберечь бѣглаго холопа и тотъ опять бѣжалъ, то онъ подвергался такому же взысканію, какъ за понаровку и помощь, оказанныя завѣдомо бѣглому рабу, за вычетомъ только слѣдовавшей ему переимочной гривны, т. е. онъ платилъ за холопа 4, а за рабу 5 гривенъ. Не лучше ли было, для избѣжанія столь строгаго взысканія, отвести бѣглаго раба къ его настоящему владѣльцу и получить съ него гривну переема?

Послѣдняя наконецъ изъ прописанныхъ статей (LVIII) содержитъ постановленіе, которымъ хозяину бѣглаго раба не только предоставлено было право получить его обратно, но вмѣстѣ съ тѣмъ взять и все имъ пріобрѣтенное во время бѣговъ. Впрочемъ, изъ словъ: «*господину же и долги.........а не лишатися его*», можно предполагать, что этотъ же хозяинъ обязанъ былъ заплатить и долги, сдѣланные бѣжавшимъ рабомъ его.

Кромѣ разсмотрѣннаго уже способа отысканія утраченной тѣмъ или другимъ образомъ собственности, кромѣ такъ называемаго свода, одна изъ статей Русской Правды содержитъ еще указаніе и на другой способъ, который могъ быть употребленъ тогда, когда не было возможности сдѣлать сводъ. Для того, чтобы установить сводъ, надобно было хозяину утраченной или украденной вещи опознать ее въ чужихъ рукахъ, найти ее *лицемъ*. Но утратившій какую-либо вещь,—была ли она у него украдена, или просто потерялась, не всегда и не вдругъ могъ увидѣть ее въ чужомъ владѣніи. Между тѣмъ могли остаться какіе нибудь признаки или *слѣды*, по которымъ представлялась возможность къ отысканію пропажи. Законъ, заботясь о томъ, чтобы каждый владѣлъ и пользовался вещію, ему принадлежащею, не только предоставляетъ

---

[1]) Въ этомъ именно я вижу опроверженіе предположенія Эверса, что тотъ, у кого находился чужой рабъ, могъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы вывесть его изъ своего дома. Это значило бы почти тоже, что показать ему дорогу. Здѣсь также нахожу я подтвержденіе моему предположенію, что бѣглаго раба надобно было бы отвести къ его хозяину.

[2]) Сравн. ст. LXXXII и LXXXIV.

хозяину утраченной, и въ особенности украденной, вещи право *гнать по слѣду*, для отысканія ея, но еще возлагаетъ въ извѣстной мѣрѣ обязанность принять въ этомъ участіе и на постороннихъ людей, которые, если этого не захотятъ сдѣлать, могутъ даже подвергнуться опредѣленной отвѣтственности. На это указываетъ именно

Ст. CXXX.

«*А не будеть ли татя, то по слѣду женуть. Аже ли бу-*
«*детъ слѣдъ*[1]) *или къ селу или къ товару*[2]) *а не отсочатъ отъ*
«*себе слѣда и не идуть на слѣдъ, или отобіються, тъ тѣхъ пла-*
«*тити и татьбу и продажю, а слѣдъ гнати съ чужими людьми*
«*и послухы. А еже погублять слѣдъ на гостинци*[3]) *на велицѣ, а*

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто «*аже ли будеть слѣдъ*», читаемъ «*не будетъ ли слѣда*»; но примемъ ли то или другое чтеніе, смыслъ будетъ одинъ и тотъ же.

[2]) Эверсъ переводитъ это слово словомъ Waare (имущество, имѣніе — das ält. R. d. R. S. 331), Раковецкій словомъ *таборъ* (tabor — Pr. R. т. II, стр. 93 и 143, прим. 69). Послѣдній переводъ мнѣ кажется удачнѣе. Хотя конечно словомъ *товаръ* очень часто въ Русской Правдѣ обозначается имущество движимое, но оно могло имѣть и другое значеніе, именно такое же, какое имѣетъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Тамъ товаромъ называется домашній скотъ, преимущественно рогатый, иногда однако этимъ же словомъ, въ особенности во множественномъ числѣ, обозначаются предметы торговли, такъ напр. говорится: *купецъ прыихавъ съ товарами или съ товаромъ*. Извѣстно также, что въ степныхъ мѣстахъ южно-русскихъ губерній выкармливаются огромныя стада рогатаго скота (товара), для чего обыкновенно люди, занимающіеся этимъ дѣломъ,—*пастухи*, удаляются во внутренность степи, устраиваютъ тамъ на цѣлое лѣто временное для себя и для скота помѣщеніе или таборъ. Конечно тоже самое бывало и въ старину. И такъ можно думать, что выраженіе: «*аже ли будеть слѣдъ или къ селу или къ товару*», значитъ: *будетъ ли слѣдъ вести къ селу или къ тому мѣсту, гдѣ пасется товаръ*, т. е. къ пастушескому табору.

[3]) Нѣтъ сомнѣнія, что слово *гостинецъ* значитъ тоже что польское gosciniec, т. е. большую дорогу (wielki gosciniec), а не постоялый дворъ, гостинницу, какъ думали нѣкоторые. (Ср. Раков. Pr. R. т. II. стр. 143, прим. 71. Ewers d. ält. R. d. R. S 340, Anm. 29.

«села не будеть, или на пустѣ, кдѣ же не будеть ни села ни лю-«діи, то не платити ни продаже, ни татьбы».

Смыслъ этого постановленія есть тотъ, что когда воръ неизвѣстенъ, то хозяинъ украденной вещи долженъ отыскивать его по имѣющимся слѣдамъ, въ сопровожденіи свидѣтелей и стороннихъ людей. Ежели слѣдъ приведетъ къ селу или къ пастушескому табору, то люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, обязаны были отвести его отъ себя, показавъ хозяину, отыскивавшему вещь свою, что слѣдъ ведетъ дальше, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться по этому слѣду отыскивать вора. Если же люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, не отведутъ его отъ себя, не захотятъ итти на слѣдъ или станутъ насильственно отъ него отбиваться, то должны будутъ заплатить хозяину украденной вещи цѣну ея, а князю продажу. Между тѣмъ отыскивающій вещь свою *гонитъ слѣдъ* далѣе съ чужими людьми и съ послухами. Но если бы вмѣстѣ съ нимъ отправились отыскивать вора и тѣ люди, къ жилью которыхъ слѣдъ первоначально привелъ, и если бы оказалось, что слѣдъ пропадалъ на большой дорогѣ или на пустомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни села, ни людей, то они освобождались уже отъ всякой отвѣтственности.

Въ связи съ этимъ постановленіемъ состоитъ то, на которое я уже имѣлъ случай указать выше, именно о ловлѣ въ чужихъ дачахъ (ст. CXXIV). Хотя разсмотрѣнное правило о слѣдѣ, потому-что оно въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщено непосредственно послѣ статьи о бобрѣ и разломанной борти [1]), можетъ подать поводъ думать, что оно относилось къ этимъ только случаямъ, гораздо однако натуральнѣе предположить, что это соединеніе двухъ различныхъ статей, подобно тому какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, произошло отъ невѣденія позднѣйшихъ переписчиковъ и что постановленіе о слѣдѣ могло имѣть общее примѣненіе во всѣхъ случаяхъ, когда надобно было отыскивать неизвѣстнаго вора. Кажется, что гнать по слѣду было древнѣйшимъ кореннымъ обычаемъ у Славянъ вообще и что обычай этотъ нашелъ для себя выраженіе въ ихъ законодательствахъ. Такъ въ древнѣйшемъ сборникѣ польскаго законодательства, именно въ Статутѣ Вислицкомъ Казиміра В., находится постановленіе [2]), что ежели кто ночью станетъ звать сосѣдей, чтобы они помогли ему гнать по слѣдамъ вора, укравшаго лошадь, и ежели они откажут-

---

[1]) Сравн. у Раковецкаго Pr. R, т. II., стр. 92—94; у Эверса (переводъ Платонова) стр. 405 и 406.

[2]) Volumina Legum, t. I. fol. 23; у Раков. Pr. R. т. II., стр. 94.

ся дать требуемую помощь, то обязаны будутъ заплатить цѣну украденной лошади хозяину ея. Гораздо замѣчательнѣе постановленія о слѣдѣ, встрѣчаемыя въ Статутѣ Литовскомъ, именно въ томъ отношеніи, что статья Русской Правды объ этомъ же предметѣ, вошла въ нихъ, можно сказать, цѣликомъ и только распространена нѣкоторыми позднѣйшими дополненіями. Не лишнимъ считаю привести эти постановленія въ переводѣ на русскій языкъ. *Ежели бы украдены были лошади, волы, скотъ и другія вещи, въ домѣ или другомъ какомъ мѣстѣ, а потерпѣвшій убытокъ нашелъ бы слѣдъ своей пропажи, то, собравъ добрыхъ людей, окольныхъ сосѣдей, имѣетъ онъ, по древнему обычаю, гнать слѣдъ. Если бы слѣдъ этотъ привелъ къ селу или чьему-либо дому, то отыскивающій вещь свою долженъ послать туда стороннихъ добрыхъ людей, заслуживающихъ довѣрія съ тѣмъ, чтобы люди, къ жилью которыхъ слѣдъ привелъ, приняли его, такъ сказать, отъ тѣхъ, которые его гнали* (u tej kopy wziąć), *и отвели его отъ своего села, дома или земли до сосѣдней межи, куда слѣдъ пойдетъ. Если же люди того села, куда слѣдъ привелъ, отъ себя его не отведутъ или отобьютъ отъ слѣда тѣхъ, которые его гнали, или же, выгнавъ скотъ, затопчутъ слѣдъ, то тѣ люди* (ta kopa), *которые слѣдъ гнали, должны остановиться на томъ мѣстѣ, откуда слѣдъ не былъ отведенъ далѣе или на которомъ отъ слѣда отбивались, призвать вознаго* (судебнаго служителя) *и вмѣстѣ съ нимъ оцѣнить потерю хозяина, отыскивающаго вещь свою. Потерпѣвшій убытокъ* (szkodnie) *долженъ самъ-третей* (т. е. съ двумя свидѣтелями) *дать присягу въ томъ, что онъ дѣйствительно потерпѣлъ его. Послѣ того, то село, которое отъ себя слѣда не отвело, должно заплатить хозяину убытокъ его, а само отыскивать виновнаго* [1]).

Мы имѣли возможность убѣдиться, что постановленія Русской Правды, имѣющія въ виду огражденіе движимаго имущества отъ тайнаго его похищенія, довольно многочисленны и обнаруживаютъ особенную заботливость законодателей объ этомъ имуществѣ вообще и о нѣкоторыхъ предметахъ его въ особенности. Достойно однакожъ вниманія, что о другихъ видахъ противозаконнаго чужимъ имуществомъ завладѣнія, напримѣръ, о насильственномъ завладѣніи, Правда умалчиваетъ совершенно. Нельзя ли объяснить себѣ это молчаніе предположеніемъ, что, по духу того времени, каждое явно насильственное дѣйствіе со стороны наступающаго давало право къ такому же насильственному дѣйствію со стороны обороняющагося и что это могло имѣть послѣдствіемъ преступленіе, которое

[1]) Stat. Lit. Rozdz. XIV. art. 9, §§ 1 и 2.

ближе касалось особы, нежели имущества частнаго лица,—побои, раны, увѣчье и смертоубійство?

О противозаконномъ пользованіи чужою движимою собственностію также ничего почти не говорится, за исключеніемъ одной статьи, которая указываетъ на особенный случай.

Ст. CXV.

«А оже кто всѣдеть на чюжь конь, не прошавъ, то за то «3 гривны продажи» [1]).

И такъ за то, что кто-нибудь поѣдетъ на чужомъ конѣ, не просивъ позволенія хозяина, онъ долженъ былъ заплатить такую же пеню, какъ и за кражу этого же коня. Это кажется довольно страннымъ. Но странность эта исчезнетъ отчасти, если мы (какъ это уже сдѣлали и многіе другіе) [2]) допустимъ, что законъ этотъ не есть произведеніе туземное, русское, но что онъ заимствованъ отъ Норманновъ, у которыхъ, какъ людей по преимуществу военныхъ, конь,—эта, можетъ быть, лучшая половина всадника [3]), могъ имѣть особенную цѣнность, а ѣзда на чужомъ конѣ, безъ дозволенія хозяина, могла считаться важною обидою. Допустить это мы можемъ, не опасаясь нисколько за самостоятельность древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, самостоятельность весьма очевидную, а допустить должны потому, что самая редакція приведенной статьи представляетъ не одно случайное сходство съ законами народовъ германскаго племени [4]). Въ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто 3 гривны значится одна гривна. Сравн. изд. Калачова, стр. 122.

[2]) Напр. Струбе, Карамзи́нъ, Чацкій и др. Сравн. Rakow. Pr. R. т. II, стр. 57, примѣч. f.

[3]) Такъ думалъ извѣстный генералъ Жомини.

[4]) Срав. текстъ нашей статьи съ постановленіями нижеслѣдующими: Legis Francorum Salicae, tit XXVI. *«Si quis caballum «extra consilium domini sui ascenderit, et eum caballaverit, DC «den., qui faciunt sol. XV, culpabilis judicetur, et pro eo, qui a«scenderit, similiter alios XV solidos solvat».* Legis Ripuariorum, tit. XV. *«Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, «triginta solidis culpabilis judicetur».* (Leges Francorum Salica et Ripuariorum, ed. Eccardi, 1720, fol. 51 et 219). Законъ ютландскій: *«Ritt jemand eines andern Mannes Perd, ane des sinen «Willen, deme dat Perd tholöret, de brikt davor dre Mark an den «Bonden».* Объ этомъ законѣ Карамзинъ замѣчаетъ, что хотя ютландское уложеніе позднѣе Ярославова, но во всякомъ случаѣ сходство нѣкоторыхъ постановленій въ обоихъ доказы-

пользу этого говоритъ довольно убѣдительно и самое одиночество, отчужденность разсматриваемаго нами постановленія посреди другихъ статей нашего памятника, которыя какъ члены одной семьи носятъ на себѣ признаки фамильнаго сходства, легко группируются и удаляются отъ постановленій, случайно въ ихъ кругъ попавшихъ.

Къ разряду разсматриваемыхъ мною мѣръ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ принадлежатъ еще нѣкоторыя постановленія Правды, указывающія на случаи уничтоженія и порчи чужого движимаго имущества.

Ст. CI.

«*Аще кто пакощами порѣжеть*[1]) *конь или скотину, за то* «*продаже 12 гривне, а за пагубу господину гривна, а урокъ платити*».

Ст. CII.

«*Аже ли кто посѣчеть верею или перетнеть вервь въ перевѣсѣ,* «*то 3 гривне продаже, а господину за верею и за вервь гривна кунъ*»[2]).

Ст. CIII (въ двухъ варіантахъ).

а. «*Аже кто борть подътнеть, то 3 гривны продаже, а за де*-«*рево полгривнѣ*».

б. «*А въ княжѣ борти 3 гривны, любо пожгуть, любо изодруть,* «*а въ смерди 2 гривны*».

Ст. LI.

«*А иже изломить копье, любо щитъ, любо пъртъ, а начнеть*

ваетъ, что какъ то, такъ и другое образовались подъ вліяніемъ древнѣйшихъ скандинавскихъ законовъ. Ист. Гос. Рос. 1 изд., т. II, стр. 55 и 362, прим. 91. Сравн. Раков. Pr. R. т. II, 57, пр. f.

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ *зарѣжеть*. Ср. изд. Калач., стр. 118.

[2]) Слово *верея* (по-польски wierzeja) значитъ *дверь* или *ворота*; на малороссійскомъ же нарѣчіи *вирья* (множ. число) значитъ *жерди, шесты*. Слово *перевѣсъ* или *перевѣсь*, встрѣчающееся и въ Статутѣ Литовскомъ, означало, какъ можно догадываться, ограду, въ которой хранились домашнія, а можетъ быть, и пойманныя дикія птицы подъ сѣтію. Иногда также этимъ словомъ означаемо было мѣсто, гдѣ содержались охотничьи собаки, ястребы и т. д. И такъ, можно, кажется, статью эту перевести такъ: Ежели кто изрубитъ дверь въ перевѣсѣ (т. е. въ птичьемъ дворѣ) или перерѣжетъ веревку (на которой держится покрывающая ограду перевѣсная сѣть), то долженъ заплатить 3 гривны продажи, а хозяину за дверь и за веревку гривну кунъ. Ср. Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 144, прим. 72.

«хотьти его держати у себе, то прiяти скота [1]) *у него; а иже «есть изломилъ, аще ли начнеть примьтати, то скотомъ ему за- «платити колько далъ будеть на немь».*

Вникая въ содержанiе прописанныхъ статей, мы видимъ, что законъ ясно отличаетъ злонамѣренное *(пакостное)* истребленiе и порчу имущества отъ неумышленнаго, а вслѣдствiе того установляетъ и различныя взысканiя, которыя во всякомъ случаѣ падаютъ на истребляющаго или портящаго чужую вещь. Главное различiе состоитъ въ томъ, что умышленное истребленiе или порча чужой собственности подвергаютъ виновнаго не только уплатѣ хозяину, потерпѣвшему убытокъ, цѣны истребленныхъ или испорченныхъ вещей, но еще виновный долженъ заплатить тому же хозяину гривну или полъ-гривны (смотря по различiю предметовъ) за нанесенную ему обиду и кромѣ того продажу князю отъ 12 до 3 или 2 гривенъ; между тѣмъ какъ испортившiй неумышленно чужiя вещи обязанъ только заплатить хозяину ихъ то, чего онѣ ему самому стòяли. Такимъ образомъ злостно зарѣзавшiй (а можеть быть, и порѣзавшiй только) [2]) чужую скотину платитъ князю 12 гривенъ, а хозяину гривну *пагубы*, да сверхъ того цѣну зарѣзанной скотины. За злостное посѣченiе перевѣси или перевѣсной веревки виновный платитъ 3 гривны пени и гривну хозяину за нанесенный убытокъ. Умышленно подрубившiй, пожогшiй или ободравшiй бортное дерево платитъ, если борть была княжеская, 3 гривны, если же она принадлежала смерду, 2 гривны пени, да хозяину за самое дерево полъ-гривны вознагражденiя. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что имущество, князю принадлежавшее, имѣло въ глазахъ закона бòльшую цѣнность, нежели имущество простолюдина. Здѣсь находимъ опять подтвержденiе этому.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ статей (LI) рѣчь идетъ, кажется, о предметахъ, данныхъ въ ссуду или на подержанiе, именно о копьѣ, щитѣ и платьѣ. Тотъ, кто ими былъ ссуженъ, конечно долженъ былъ возвратить ихъ хозяину въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ихъ получилъ; если же онъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ испортилъ, то могъ оставить ихъ у себя или отдать назадъ хозяину, но въ обоихъ случаяхъ обязанъ былъ заплатить послѣ-

---

[1]) *Скотъ* — pecus, pecunia.

[2]) Въ Малороссiи и теперь въ большомъ ходу обычай, что хозяинъ, въ котораго огородъ или поле повадится ходить чужая скотина, преимущественно свиньи, поймавъ эту скотину, подрѣзываетъ ей т. наз. *жижки*, т. е. сухiя жилы на заднихъ ногахъ, отъ чего скотина навсегда остается калѣкою.

дневму цѣну испорченныхъ предметовъ. Надобно впрочемъ сознаться, что различные варіанты эт.й статьи могутъ подать поводъ къ различному ея толкованію.

Таковы были мѣры огражденія имущества наличнаго. Я бы считалъ изслѣдованіе свое неполнымъ, если бы не указалъ еще на тѣ постановленія древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, которыя имѣютъ въ виду обезпеченіе имущества долговаго.

Прежде всего Правда объявляетъ, что человѣкъ, который, задолжавъ, бѣжитъ въ чужую землю, считается лишеннымъ довѣрія, на-равнѣ съ воромъ. На это указываетъ именно

Ст. CXVI.

«*Оже человѣкъ помлавъ куны у людей, а побѣжить въ чужую* «*землю, вѣры ему не яти, какъ и татю*».

Далѣе мы встрѣчаемъ постановленія, опредѣляющія общія правила займовъ между людьми свободнаго состоянія и особенныя для лицъ, занимающихся торговлею. Первыя содержатся въ

Ст. XIII.

«*Аже кто куны даетъ въ рѣзъ, или медъ въ наставъ, или жито* «*въ присопъ, то послухы ему наставити, како ся съ нимь будеть* «*рядилъ, тако же ему и имати*».

Содержаніе этой статьи даетъ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Не только деньги (куны, скотъ), но и другія вещи, въ особенности произведенія сельскаго хозяйства (медъ, жито), могли быть предметомъ займа. Предметы эти при возвращеніи ихъ заимодавцу въ опредѣленные сроки приносили ему извѣстную прибыль или наддачу (рѣзъ, наставъ и присопъ). Заемъ долженъ быть совершенъ при свидѣтеляхъ (вѣроятно двухъ), поставляемыхъ заимодавцемъ, а условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія лицъ, участвовавшихъ въ немъ, какъ бы они ни были тягостны для должника. Изъ того, что займы совершаемы были при свидѣтеляхъ, можно также заключить, что письменная форма договоровъ не была еще въ употребленіи. Впрочемъ, судя по отрывку XIV статьи, который относится уже къ взысканію по долговымъ обязательствамъ, можно думать, что отъ воли заимодавца зависѣло отдать деньги въ заемъ при свидѣтеляхъ или безъ нихъ; а въ займахъ незначительныхъ, цѣною до 3 гривенъ включительно, вовсе даже не требовалось послуховъ.

Относительно купеческихъ займовъ, особенное правило, совершенно отличное отъ правила общаго, установляетъ слѣдующая статья Правды:

Ст. XI.

«*Аже ли кто купьць а купцю даетъ въ купьлю куны, или въ*

«гостьбу, то купцю передъ послухы кунъ не имати, и послуси ему «не надобѣ, нъ ити ему самому ротѣ, оже ся почнеть запирати».

Отсюда видно, что купцы въ долговыхъ обязательствахъ между собою не нуждались въ свидѣтеляхъ, какъ бы ни великъ былъ заемъ. Заимодавецъ могъ всегда запирающагося должника принудить къ уплатѣ долга, присягнувъ лично въ томъ, что онъ дѣйствительно далъ въ заемъ извѣстное количество денегъ. Такимъ образомъ отъ лицъ торговаго званія требовалось и болѣе взаимнаго довѣрія, и болѣе добросовѣстности въ платежѣ долговъ. Замѣтимъ наконецъ, что въ прописанной статьѣ указывается на внутреннюю и внѣшнюю торговлю (купля и гостьба).

Далѣе Правда установляетъ общія и особенныя мѣры взысканія по долговымъ обязательствамъ. Сюда относятся:

Ст. CXXXVI (въ двухъ варіантахъ).

а. *«А оже кто взищеть кунъ или скота на друзѣ, а онъ ся «начнеть запирати, то оже нань выведеть послуси, то тии поидуть «на роту, а онъ възметь свое куны, занеже не далъ ему есть кунъ «за много лѣтъ, то платити ему за обиду ту 3 гривны».*

б. *«Аже гдѣ взыщеть кто на друзѣ прочѣ, а онъ ся запирати «почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да еще обидя «не вдалъ будеть, достойно ему свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ».*

Ст. XIV.

«А послуховъ ли не будеть, а будеть ли кунъ 3 гривны, то «ити ему про свое куны ротѣ, будеть ли болѣе кунъ, то речи ему «тако: промиловался еси, оже еси не поставилъ послуховъ».

Ст. LV.

«Аще кто многимъ долженъ будеть, а придетъ гость изъ иного «града, или чюжь земець, не вѣдая запустить за него товаръ[1]*), и «не хочеть гостю дати кунъ, а первыи должники начнутъ ему за- «пинати, тогда вести его на торгъ и продати, и дати прежде ино- «земцу, а домашнимъ что ся останеть нынѣ подѣлятъ. Аще за «нимъ будутъ княжи куны, то княжи куны прежъ имати, а прочее «въ дѣлъ; а кто много рѣза ималъ, тому не имати кунъ»*

Ст. XII.

«Аже который купьць, шедъ, кдѣ либо съ чучими кунами, и «истопиться, любо рать възметь, а любо огнь, то не насилити «ему, ни продати его, но како почнеть мочи отъ лѣта платити, «такоже и платить; занеже пагуба отъ Бога есть, а самъ не ви-

---

[1]) Здѣсь слово *товаръ* употреблено въ значеніи предметовъ торговли.

«коватъ есть. Ожє ли пропьеться или пробіеться [1]*), а въ томъ «безуміи чюжь товаръ испортить, то како любо тьмъ чье то куны, «ждутъ ли ему, а своя имъ воля, продадять ли его, своя имъ воля».*

Первыя двѣ изъ приведенныхъ статей имѣютъ въ виду тотъ случай, когда должникъ отпирается отъ своего долга и не хочетъ платить заимодавцу. Заимодавецъ долженъ тогда вести отвѣтчика передъ 12 мужей [2]), поставить тѣхъ свидѣтелей, которые были при заключеніи условія займа, и ежели они объявятъ о томъ подъ присягою, то заимодавецъ получаетъ свои деньги и сверхъ того 3 гривны за обиду, если должникъ въ теченіе многихъ лѣтъ не платилъ ему долга. Впрочемъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, ежели заемъ былъ не болѣе 3 гривенъ, то, какъ при совершеніи его, такъ и при взысканіи, свидѣтелей не требовалось, подобно тому какъ не требовалось ихъ и во взаимныхъ долговыхъ обязательствахъ между купцами: въ этихъ случаяхъ истецъ самъ долженъ былъ утвердить своею присягою справедливость своего притязанія. Но ежели заемъ, цѣною выше 3 гривенъ, совершенъ былъ безъ свидѣтелей, а должникъ въ послѣдствіи времени сталъ отпираться отъ своего долга, то неосторожный кредиторъ долженъ былъ потерять искъ свой и такимъ образомъ наказываемъ былъ за свою *милость* или снисходительность. «*Промиловался еси, оже еси не поставилъ послуховъ*», говоритъ ему законъ устами 12 мужей.

За тѣмъ въ ст. LV и XII заключаются правила о несостоятельныхъ должникахъ и конкурсѣ. Замѣтимъ прежде всего, что въ этихъ правилахъ не упоминается вовсе о ложной несостоятельности или злостномъ банкротствѣ: конечно это преступленіе не было еще извѣстно безхитростнымъ людямъ того времени и составляетъ жалкую принадлежность позднѣйшихъ, болѣе *образованныхъ* вѣковъ. Но Правда весьма ясно различаетъ несостоятельность, происшед-

---

[1]) Раковецкій переводитъ это словомъ *проиграется*, основываясь на томъ, что и теперь у простого народа въ употребленіи многія игры, при кототорыхъ имѣетъ мѣсто *битва*, *біеніе;* напр., когда *бьются* объ закладъ, *бьются* на кулачки, *бьютъ* яйца на праздникъ Воскресенья Христова, *бьютъ* бабки и т. п. Сравн. Rakowiecki, Pr. R. т. I, стр. 20, т. II, стр. 96 и 77, также 141, примѣчаніе 58.

[2]) Эверсъ думаетъ, что эти 12 мужей были избираемы изъ среды всего общества (своего міра) и что они представляли собою это общество. Въ нихъ также видитъ онъ начало суда присяжныхъ. Сравн. Das älteste Recht der Russen. S. 300 и 301.

шую отъ какого-нибудь несчастнаго случая, и несостоятельность, которой причиною была виновная неосторожность должника. Въ первомъ случаѣ, когда причиною несостоятельности было несчастіе, напримѣръ, потопленіе, пожаръ или ограбленіе купца военными отрядами, законъ воспрещаетъ заимодавцамъ употреблять какія-нибудь понудительныя мѣры противу несчастнаго должника, а тѣмъ болѣе продавать его для своего удовлетворенія, поставляя имъ на видъ начала христіанской религіи и вѣру въ Провидѣніе (*«занеже «пагуба отъ Бога есть, а самъ не виноватъ есть»*). Однакожь несостоятельный должникъ, сдѣлавшійся таковымъ по какому-нибудь несчастному случаю, не освобождался вовсе отъ платежа своимъ кредиторамъ, напротивъ, онъ долженъ былъ (вѣроятно, по взаимному соглашенію съ заимодавцами) разложить платежъ на извѣстное число лѣтъ и уплачивать ежегодно или въ опредѣленные сроки положенную при раскладкѣ сумму, пока не заплатитъ долга своего сполна.

Такимъ образомъ въ постановленіи о несчастномъ несостоятельномъ должникѣ видно, съ одной стороны, желаніе обезпечить цѣлость имущества заимодавца, съ другой, состраданіе къ несчастію и желаніе облегчить снисходительностію участь должника. Оба эти начала еще явственнѣе обнаруживаются въ правилахъ о несостоятельности, происшедшей отъ собственной вины или неосторожности должника; но и здѣсь также чувство состраданія беретъ верхъ надъ строгостію, которой заслуживаетъ промотавшійся пьяница или игрокъ—должникъ. Законъ какъ-будто не рѣшается отказать заимодавцамъ въ средствахъ удовлетворенія себя и предоставляетъ имъ право продать даже для этой цѣли несостоятельнаго должника; но, съ другой стороны, онъ намекаетъ имъ и на то, что они могутъ отсрочить взысканіе и дать такимъ образомъ должнику время къ исправленію себя и своихъ торговыхъ обстоятельствъ (*«како любо тьмъ чье то куны-ждуть ли ему, а своя «имъ воля; продадять ли его, а своя имъ воля»*). Какая утѣшительная разница между постановленіями древнѣйшаго памятника русскаго законодательства и постановленіями безчеловѣчно строгихъ римскихъ децемвировъ!

Есть однако случай, когда законъ обнаруживаетъ болѣе настойчивости во взысканіи долга, именно когда въ числѣ заимодавцевъ несостоятельнаго должника есть гость изъ чужого города или чужеземецъ. Чувство національной гордости, столь сильно развитое теперь во всѣхъ народахъ славянскаго племени, было, какъ видно, не менѣе сильно и въ древнѣйшемъ періодѣ ихъ общественной жизни. Это-то чувство похвальной гордости въ соединеніи съ

правилами гостепріимства и желаніе показать чужеземцамъ, что они ни въ какомъ случаѣ не должны бояться за цѣлость своего имущества, были конечно руководительною мыслію законодателя при установленіи слѣдующаго правила: если чужеземецъ. не зная о критическихъ обстоятельствахъ торговца, отпуститъ ему товаръ, за который тотъ не въ состояніи будетъ заплатить, будучи должнымъ многимъ другимъ заимодавцамъ, требующимъ также удовлетворенія, то несостоятельнаго должника надобно продать на торгу и удовлетворить прежде всего претензію иностранца, потомъ заплатить долгъ князя (ежели былъ таковой долгъ), остальное же раздѣлить между своими, домашними заимодавцами, вѣроятно, соразмѣрно капиталу каждаго. Тотъ однакоже изъ заимодавцевъ, который бралъ слишкомъ много процентовъ, въ случаѣ открывшейся несостоятельности должника и конкурса, не имѣлъ права на дальнѣйшее удовлетвореніе [1]).

И такъ, основное правило конкурсовъ было то, что претензія князя, а если былъ иностранецъ, то прежде еще его претензія, удовлетворяема была сполна; остальные же туземные заимодавцы, исключая слишкомъ корыстолюбивыхъ ростовщиковъ, дѣлили остатокъ суммы, вырученной за продажу несостоятельнаго должника, сообразно величинѣ капитала каждаго изъ нихъ [2]).

Подобно тому какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ обезпеченію долговыхъ обязательствъ, Правда установляетъ особенныя правила о долгахъ, сдѣланныхъ людьми

---

[1]) Что значило: много процентовъ? На это вѣроятно надобно искать отвѣта въ постановленіи Владиміра Мономаха о рѣзѣ: ст. XV изд. Калачова, стр. 86.

[2]) Въ такомъ же духѣ написаны нѣкоторыя статьи договора Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландіею, такъ что можно думать, что онѣ составлены были подъ вліяніемъ нашего памятника. Вотъ текстъ ихъ по изданію Раковецкаго (т. II, стр. 23 и 24): ст. 17. «*Аже Латынинъ дастъ Роусиику товаръ свой оу дълго, оу Смольнске, заплатити Немчиноу пьрвѣе, хотя бы инъму кому виноватъ былъ Роусиноу: тако оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готьскомъ березѣ*»; ст. VII. «*Аже разгнѣваіется Князь на своего человѣка, а боудѣте винъватъ Немчиню Роусинъ, а отнять Князѣ все, женоу и дѣти у холъпство, первоіе платити іемоу Латиину, а потомъ Князю какъ любо съ своимъ человѣкомъ: таку правду взяти Роусину оу Ризѣ и на Гочкъмь березѣ*».

несвободными — холопами. Мы уже имѣли случай видѣть, говоря о возвращеніи бѣглыхъ рабовъ ихъ господину, что послѣдній получалъ при томъ добытый холопомъ его во время бѣговъ товаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя и всѣ долги его. Кромѣ этого постановленія есть еще другія, указывающія на обязанность господина платить долги за своего раба. Сюда относятся

Ст. LVII.

«*Аже кто пустить холопа въ торгъ, а одолжаеть, то вы-*
«*купати его господину, а не лишитися его*».

Ст. LVI.

«*Аче же холопъ кдѣ куны вложить,*[1]) *а онъ будеть не вѣдая*
«*вдалъ, то господину выкупати и, али лишитися ему его; вѣдая*
«*ли будеть вдалъ кунъ, то кунъ ему лишитися*».

И такъ кто дозволилъ своему холопу заниматься торговлею, тотъ обязанъ былъ платить за него всѣ долги. Выраженіе: «*выку-*«*пати его господину, а не лишитися его*», скорѣе указываетъ, по моему мнѣнію, на обязательство господина выкупать задолжавшаго раба, нежели на право *не лишиться его*. Но если бы даже рабъ, не имѣющій позволенія отъ своего господина на производство торга, взялъ у кого-нибудь деньги подъ видомъ свободнаго человѣка, а заимодавецъ не зналъ дѣйствительно о томъ, что онъ даетъ деньги рабу, то и въ такомъ случаѣ хозяинъ раба долженъ или выкупить его, или предоставить въ распоряженіе заимодавца. Напротивъ, ежели заимодавецъ зналъ, что онъ даетъ деньги чужому холопу, то онъ лишался возможности получить ихъ обратно.

Наконецъ къ мѣрамъ огражденія долговыхъ обязательствъ надобно отнести постановленія, опредѣляющія взаимное обезпеченіе закупа и его господина. Мы видѣли уже, что закупъ, взявшій извѣстную сумму денегъ у своего господина, долженъ былъ въ теченіи опредѣленнаго времени заслуживать долгъ свой. Ежели онъ въ продолженіи этого времени бѣжалъ отъ господина, то, бывъ пойманъ, обращался за наказаніе въ полнаго, обѣльнаго холопа. Но не каждая отлучка закупа, хотябы даже и самовольная, считалась побѣгомъ, за который господинъ имѣлъ бы право поработить его. Напротивъ, ежели закупъ явно отлучается для взысканія долговъ или же уходитъ по причинѣ обидъ, наносимыхъ ему господиномъ его, ища *правды* у князя или у судьи (быть можетъ, также у 12 мужей), то законъ предписываетъ «*дать ему правду*». Ежели въ особенности закупъ докажетъ что господинъ

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ написано: «*выляжетъ*». Это, кажется, правильнѣе. Ср. изд. Калачова, стр. 100.

продалъ его подъ видомъ своего раба другому, то онъ освобождается отъ дальнѣйшей выслуги и уплаты взятыхъ имъ въ заемъ денегъ, и сверхъ того господинъ обязанъ заплатить за такую обиду, нанесенную свободному человѣку, 12 гривенъ продажи: безпристрастіе закона, достойное удивленія нашего времени. Изложенныя начала заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. XVII.

«Аже закупъ бѣжить отъ господы, то обѣль. Идеть ли искать «кунъ, а явлено ходить, или къ князю, или къ судіямъ бѣжить, обы«ды для своего господина, то ему про то не роботять его, но да«ти правду ему».

Ст. XX.

«Продасть ли господинъ закупа обѣль, то и наимету свобода «въ всѣхъ кунахъ, а господину платити за обиду 12 гривнѣ про«даже».

Таковы были мѣры огражденія долговыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе моего изслѣдованія скажу еще, что древнѣйшее русское законодательство не оставило безъ вниманія имущества малолѣтныхъ и постановило мѣры для охраненія его отъ растраты тѣми лицами, которыя должны были заботиться объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ. Постановленія, сюда относящіяся, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. LXVIII.

«Аже ли будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дѣжи «(дюжи) ся будуть сами собою печеловати, а мати имъ поидеть «за мужь, то кто имъ ближеи будеть, тому же дати ихъ на «руцѣ и съ добыткомъ. и съ домомь, донелѣже возмогуть. А то«варъ дати имъ передъ добрыми людьми, а что сърѣзить това«ромъ тѣмь, или пригостить, то ему собѣ, а исьтыи товаръ во«ротить ему имъ, а прикупъ ему собѣ, занеже онъ кърмилъ и «печаловался ими. Аже ли отъ челяди плѣдъ, или отъ скота, то «то все поимати лицемь; что ли будеть истерялъ, то то ему все «платити дѣтемъ тѣмъ».

Ст. LXIX.

«Аче же и отьцимъ приимет дѣти тѣ съ задьницею, и то «такоже имъ есть рядъ, якоже ся изрядилъ; а дворъ безъ дѣла «отьнь всяко мьншему сынови».

Ст. LXX.

«А ежели жена въречеться сѣдѣти по мужи, а ростерялть «добытокъ и паки поидеть за мужь, и то платити ей все дѣтемъ».

Отсюда явствуетъ, что, была ли опекуншею мать или опекуномъ ближайшій родственникъ, или наконецъ вотчимъ,—во вся-

комъ случаѣ имущество малолѣтныхъ было обезпечено. Ближе всего, разумѣется, опека надъ дѣтьми должна была принадлежать оставшейся въ-живыхъ матери, но ежели она, находясь во вдовствѣ, растратила ихъ имущество и потомъ вышла опять за-мужъ, то должна была заплатить за все утраченное. Опекунъ—родственникъ также обязанъ былъ вознаградить всѣ убытки, происшедшіе въ имуществѣ малолѣтныхъ во время его управленія; но въ вознагражденіе его за труды законъ предоставляетъ въ его пользу все, что было имъ приторговано или приращено къ имуществу малолѣтныхъ, поступившему въ его завѣдываніе, исключая приплодъ отъ скота и рабовъ, какъ независящій отъ воли и распоряженія опекуна, а отъ самой природы. Что касается до вотчима, то, кажется, онъ могъ быть опекуномъ малолѣтныхъ пасынковъ и падчерицъ своихъ (падѣтей?) не иначе какъ по особому договору (ряду), заключаемому между нимъ и *добрыми людьми*, при которомъ отдаваемо было имущество малолѣтныхъ, или между нимъ и родственниками. Условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія (*«яко же ся изрядилъ»*), но конечно основаніемъ его служило то правило, что ввѣряемое опекуну имущество малолѣтныхъ должно быть возвращено имъ въ цѣлости по достиженіи совершеннолѣтія, въ противномъ же случаѣ надобно было заплатить всѣ убытки.

Закрывая листки древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, доставившаго мнѣ главный матеріалъ для настоящаго труда, я не могу не высказать моего удивленія, что законодательство столь еще юное могло уже съ такою отчетливостію понимать частные интерессы и постановить столь полныя мѣры для их ограждения.
